

Александр Янов

**История одного отречения:
почему в России не будет фашизма**

УДК 321.64(47+57)
ББК 66.3(2Рос),1
Я64

Я64 **Янов, Александр**

История одного отречения: почему в России не будет фашизма / Александр Янов. – М. : Новый Хронограф, 2011. – 96 с. : ил. – ISBN 978-5-94881-168-0.

Агентство СІР РГБ

В книге публикуется ряд интервью известного политического мыслителя Александра Янова, в которых он аргументированно доказывает почему в России не будет фашизма. Для широкого круга читателей.

Агентство СІР РГБ

ISBN 978-5-94881-168-0

© Янов А.Л., 2012

© Издательство
«Новый хронограф», 2012

От издателя

Мы решили опубликовать несколько недавних интервью Александра Янова, автора облетевшего мир выражения «Веймарская Россия». Решили, в частности, потому, что никогда прежде не встречали столь ясного и столь тщательно документированного ответа на вопрос, может ли в России победить фашизм.

Янов уверен, что нет. И его аргументы звучат достаточно убедительно.

Вопрос тем не менее остается спорным в умах многих интеллигентных соотечественников. Нашлись даже вполне вменяемые люди всерьез опасавшиеся после погрома на Манежной в декабре 2010 года, что страна на грани фашистского взрыва. В частности, популярный современный мыслитель Максим Кантор, которого многие прочтат во властители дум, собрал больше тысячи комментариев на сайте журнала «Сноб» своей панической заметкой, утверждавшей неизбежность и даже близость такого взрыва. А на этом сайте собрались достаточно серьезные люди.

Один из самых лояльных режиму депутатов от «Единой России» Сергей Марков заявил недавно, что «Нынешняя ситуация напоминает Веймар... Озабоченные угрозой с Запада мы создали молодежную силу против Оранжевой революции, но просмотрели реальную угрозу режиму – “белую революцию”».

Идеолог «национальной революции» (она же фашистский переворот) 1992–93-х годов Сергей Кургинян продолжает серию триумфальных телевизионных побед над своими либеральными соперниками. И чем дальше, тем сокрушительнее становятся эти всероссийские победы (в августе 2011-го Кургинян выиграл у Сванидзе со счетом 57 254 против 5 899).

По всем этим причинам нам представляется, что вопрос, поставленный в интервью Янова, буквально взывает к широкой, чтобы не сказать общенациональной, дискуссии.

Мы будем очень признательны Вам, уважаемый читатель, поэтому, если Вы дадите нам – и публике – знать правильно ли наше решение вынести это интервью на обсуждение общества. Независимо даже от того согласны ли Вы со взглядами автора.

Первоначально первое интервью было опубликовано в немецком журнале *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры* в марте 2011 как зачин дискуссии об угрозе фашизма в России.

Выражаем благодарность Петру Олеговичу Авену за помощь в издании этой книги.

Почему в России не будет фашизма

Началось это интервью, по сути, со звонка из журнала *Сноб* (есть сегодня в Москве такое роскошное издание для очень, скажем так, зажиточных читателей глобальной, как рекомендует её редакция, России, столицами которой являются помимо Москвы еще и Лондон, и Париж, и Нью-Йорк). Один из шеф-редакторов *Сноба*, замечательно толковая молодая женщина (назовём её здесь для краткости Е.Е.) объяснила, что в связи с происходящей сегодня, по её мнению, фашизацией России познакомилась она, между прочим, и со старой моей пятнадцатилетней давности книгой *После Ельцина: «Веймарская» Россия*¹. И неожиданно нашла, что именно я был, оказывается, первым в мировой литературе, кто еще в 1995 году опубликовал эту ошеломляющую гипотезу, предсказав тем самым нынешнюю «веймаризацию» России. Вторыми, как она выяснила, были лондонская профессорша экономики Бриджит Гранвиль и известный гарвардский историк Ниалл Фергюсон – но они на два года опоздали².

Нет слов, я был польщен столь неожиданным первенством. И все-таки пришлось мне разочаровать милую собеседницу. Не знаю как Фергюсон, но я публично признал свою ошибку – в первом же томе своей только что вышедшей в

¹ Янов А. После Ельцина: «Веймарская» Россия. М.: КРУК, 1995.

² Гранвиль Б., Фергюсон Н. Современная Россия и Веймарская республика: высокая инфляция и политический кризис // Вопросы экономики. 1997. № 5. С. 53-70.

Москве трилогии *Россия и Европа. 1462-1921*³. Нет, чистосердечно признался я Е.Е., я давно уже не думаю, что Россия 1990-х была «веймарской» и уж тем более, что «веймаризуется» она сейчас. Можно сказать, что я отрёкся от собственной мрачной гипотезы, пусть и разлетелась она уже по миру, став, похоже, сегодня вполне тривиальной.

Аргументы против отречения

Честно говоря, я полагал, что мое отречение обрадует Е.Е. А она ужасно расстроилась. И тотчас стала темпераментно мне объяснять, почему отрекаюсь я от своей гипотезы зря, поскольку прав я был именно тогда, пятнадцать лет назад... Её аргументы выглядели на первый взгляд внушительно и заслуживают воспроизведения.

«Может быть», – настаивала Е.Е., – «вы не в курсе дела, но всякий, кто читает российскую прессу, знает, например, о ежемесячных докладах информационно-аналитического агентства «Сова», неопровержимо свидетельствующих как раз о том, что Ваше предсказание сбывается.

В частности, в сегодняшней России действительно существуют десятки, если не сотни, неонацистских организаций и число жертв ксенофобии и расизма растет. Тысячи людей покалечены, а многие и убиты – только за неславянский разрез глаз или цвет кожи. А десятки актов вандализма на еврейских кладбищах? А «Русские

³ Янов А. *Россия и Европа. 1462-1921*. В 3 тт. М.: Новый хронограф, 2007-2009.

марши», участники которых дружно поднимают руки в нацистском салюте? А уже начавшаяся уличная война между нацистами и антифашистами? Как Вы все это назовёте, если не «веймаризацией» России?

Еще тревожнее настроения в обществе, тем более, в среде творческой молодёжи, среди художников, писателей, режиссеров, дизайнеров, тонкой, политически чувствительной публики. Ну вот примеры. Недавно получил самую, пожалуй, престижную в художественных кругах Премию Кандинского Алексей Беляев-Гинтовт, мастер тоталитарной эстетики, евразиец, последователь Александра Дугина – вы ведь не станете отрицать, что Дугин фашист⁴? А вот другой лауреат, на этот раз премии «Национальный бестселлер», писатель, национал-большевик Захар Прилепин, воспевающий добродетели Северной Кореи. «Пусть лучше страна будет закрытой,» – говорит он, – «лишь бы не начала сыпаться».

Если и этих примеров недостаточно, вот вам еще один. Тоже писатель и тоже лауреат («Русского Букера») Михаил Елизаров. Послушайте, как он публично делится своим мироощущением. Оказывается, жить ему хочется в «молчаливой, суровой, сумрачной, угрюмой, насупившейся России, русской империи зла». И словно развивая эту устрашающую тему, юный дизайнер Гоша Рубчинский вызывающе называет свою первую инсталляцию *Империя зла*, провозгла-

⁴ О Дугине как фашисте: *Shekhovtsov A. The Palingenic Thrust of Russian Neo-Eurasianism: Ideas of Rebirth in Aleksandr Dugin's Worldview // Totalitarian Movements and Political Religions. 2008. Vol. 9. No. 4. P. 491-506.*

шая: «Пусть лучше нас боятся, чем завоевывают».

Аналогия с предреволюционной Россией

Но и на этом страстный монолог Е.Е. не заканчивается. И ведь правда, не на пустом же месте возникла вся эта плеяда новоиспеченных и свирепо антизападных лауреатов. Должен быть спрос на такой товар. И он есть, этот спрос. Да еще какой! «Точно так же, как накануне революции 1917 г., много влиятельных и денежных людей поддерживали большевиков». «И черносотенцев, между прочим, тоже,» – вклиниваюсь я в затянувшийся монолог, – «представьте себе, вдова известного издателя мадам Полубояринова внесла в кассу Союза русского народа 150 тысяч рублей – огромные по тем временам деньги». «Как бы то ни было, продолжала, не сбиваясь, собеседница, нынешняя культурная элита подкармливает, выражает сочувствие и всячески солидаризируется с откровенно националистическими художниками слова и кисти».

И тут опять выстрелила в меня Е.Е. целой серией неожиданных примеров. «Гинтовта покупает одна из самых модных и стильных дам Москвы Ольга Слуцкер, а также известный бизнесмен Шалва Бреус. Прилепину звонят с изъяснениями в любви телеведущие Тина Канделаки и Тутта Ларсен и даже сам Олег Павлович Табаков. Читатели Елизарова – Андрей Макаревич, актер Владимир Вдовиченко, актриса Евгения Симоно-

ва, депутаты, члены партии власти «Единой России». Прилепина хвалит пресс-секретарь президента Медведева. Галерист Гинтовта в частных разговорах сообщает, не стесняясь, что у него в галерее все художники – фашисты. Короче, имперский национализм в моде, «империи зла» больше не стыдятся, она предмет ностальгии и гордости – даже в глазах тех, кто готовил её падение. Разве не это вы предсказывали в 1995-м? Так почему же вы отрекаетесь от собственного сбывающегося прогноза?»

«Патриотическая истерия»

Пришлось объясняться. Все-таки речь шла об интервью солидному и влиятельному журналу, в читателях которого состоят как раз те самые люди, что восхищаются Прилепиным и покупают Гинтовта. Объяснение мое состояло из двух частей.

1. Да, грозный всплеск имперского национализма и впрямь был после Ельцина неизбежен. Крушение четырехсотлетней империи и – что для России, может быть, не менее важно – внезапная утрата пусть утопической, но великой национальной цели не могли не сопровождаться тем, что назвал я в трилогии «патриотической истерией» (или, если хотите, «предвеймарской ситуацией»)⁵.

Только подобные истерии вовсе не новость для России. Множество таких нелепых и опасных ксенофобских манифестаций, возникавших и по

⁵ Янов А. Россия и Европа. 1462-1921.

куда менее значительным поводам, подробно описаны в трилогии. Началось это еще в 1805 году, когда русская армия потерпела разгромное поражение на полях Аустерлица. Тогда тоже священники возглашали анафему Наполеону как Антихристу, барышни являлись на балы в кокошниках, в великосветских салонах штрафовали за разговоры по-французски и столичные люмпены пытались громить дома иностранцев.

И поверьте, для историка русского национализма предсказать очередную «патриотическую истерию» после Ельцина было нетрудно. Никудышный был бы я историк, когда б не предвидел именно то, что вы сейчас описываете.

2. Только предсказывал-то я в своей старой книжке вовсе не патриотическую истерию, но «веймарскую Россию». Другими словами, приход к власти в Москве после Ельцина агрессивной диктатуры, столь же непредсказуемой, как сегодняшний Иран, и столь же закрытой от мира, как Северная Корея, но контролирующей, в отличие от них, горы ядерного оружия.

Предсказывал я режим, возглавляемый экзальтированным харизматическим лидером, открыто провозгласившим на весь белый свет, подобно своему немецкому предшественнику, что-то вроде этого: «либо Германия снова будет мировой державой, либо ее вообще не будет»⁶. Причем, лидером, вдохновленным идеологией ультранационализма, достаточно популярной, чтобы увлечь за собою большинство нации. Ре-

---

⁶ Цит. по: *Davies N. Europe: A History. Oxford: OUP, 1996. P. 548.*

жим, иначе говоря, готовый, как в гитлеровские времена в Германии, противопоставить страну миру.

Я понимаю, что такое определение русского фашизма (и тем более того, что в научной литературе именуется «generic fascism» – «родовой фашизм»⁷) так же неполно, как и любое другое. Но все-таки именно такую диктатуру и призвана была описать гипотеза «веймарской России».

Похож ли, однако, на такую диктатуру сегодняшней режим в Москве? Согласитесь, что при всех свинцовых мерзостях, которые вы описали, не похож. Прежде всего потому, что вовсе не вдохновлён идеологией ультранационализма – а это, как мы помним, один из первоэлементов фашизма. Честно говоря, не вдохновлён этот режим вообще никакой идеологией. Если, конечно, не считать вполне прагматическую её имитацию, которую лучше всего, наверное, назвать «управляемым национализмом» (из которой, собственно, и происходят – большей частью непредвиденные самим режимом – описанные Вами мерзости).

Право, неудивительно, что народ отвечает на эту идейную беспомощность режима коллективной апатией, чтоб не сказать массовым политическим ступором (по данным социологических опросов на выборы в октябре 2009-го явилось немногим больше 20% избирателей)?

---

⁷ Обзор соответствующей литературы в: Уmland А. Фашизм и неофашизм в сравнении: западные публикации 2004-2006 гг. // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2007. Т. 4. № 1. <<http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/8UmlandRezension.pdf>>.

И это в Москве! Мыслимо ли сравнить эту вялую расслабленность с раскаленной атмосферой преднацистской Германии, где не 20%, а 80% граждан с энтузиазмом шли к избирательным урнам едва ли не каждый год? Немудрено: там на кону стояли жизнь и смерть. А здесь что? Привычная рутина режима «управляемого национализма», монополизировавшего телевизионное пространство страны, где в результате важно не то, как проголосовали избиратели, а то, кто подсчитывал их голоса?

Добавьте, что не может этот режим вернуть своему народу какую бы то ни было историческую цель – ни первенство в мире, обещанное Сталиным (и Гитлером), ни, если взять другую крайность, европейские стандарты жизни, по которым народ и впрямь тоскует. Это ли веймарская Россия? Нет, не способен такой режим ни на что, кроме как развязать еще одну «патриотическую истерию».

Да и та по меркам русской истории XIX-XX веков выглядит, пожалуй, безнадежно маргинальной. Один пример объяснит вам, я надеюсь, решающую разницу. Панславистская истерия середины 1850-х сумела, например, втравить Россию в несчастную Крымскую войну, а великая «балканская истерия» 1905-1917 – даже в катастрофическую для неё Мировую. Но на что может толкнуть страну нынешняя истерия? На пятнадцатидневную войну с крошечной Грузией, всё население которой свободно разместилось бы в двух-трех микрорайонах Москвы? Просто сопоставьте эту локальную стычку с мировой вой-

ной – и разве не бросится вам в глаза маргинальность сегодняшней «патриотической истерии»?

Искушение сверхдержавностью

«Но если так,» – пылко возразила собеседница, – «то откуда вообще взялась тогда ваша знаменитая гипотеза? Откуда веймарская Россия?» Вот это уже и впрямь серьезный вопрос, который далеко выходит за рамки всего, о чем мы до сих пор говорили. Не разобравшись в нём подробно, документально, чтоб не сказать дотошно, действительно невозможно понять ни смысл 1990-х, ни тем более суть сменившего их путинского режима. Невозможно, короче говоря, понять, в чём коренилась ошибка.

Начнём с того, что рождалась гипотеза в стране, совсем непохожей на нынешнюю, в другой, можно сказать, России. И атмосфера в той, другой России и впрямь была, как мы скоро увидим, столь же раскаленной, что и в преднацистской Германии. Существовала в ней, например, могущественная «партия реванша», готовая развязать гражданскую войну во имя возвращения России статуса мировой державы. Существовали конкурирующие между собой ультранационалистические идеологии. Было несколько претендентов на харизматическое лидерство – еще один первоэлемент «национальной революции» (псевдоним фашистского переворота). Короче, все было точно так, казалось, как в преднацистской Германии. Только кончилось это всё, в отличие от Германии, пшиком. Тем, что мы имеем сегодня. Почему?

Вот этот вопрос – и только он – действительно заслуживает детального обсуждения. Так что наберитесь терпения. Впрочем, у меня тоже есть примеры, доступные любому школьнику. Вот хоть первый.

В 2009 году один из героев нашего интервью, писатель-лауреат Захар Прилепин, подал в суд на журналиста, назвавшего его фашистом. В 1993 году Александр Баркашов, лидер Русского Национального Единства (РНЕ)⁸, совершенно согласный с Прилепиным, что «русская нация превыше всех остальных наций», тем не менее с гордостью провозглашал тогда в следующей же фразе: «Мы считаем себя национал-социалистами или, как говорят на Западе, наци»⁹. Почувствуйте, как говорят в Одессе, разницу.

Баркашов, конечно, жив и здравствует поныне (он даже пытался как будто бы баллотироваться в одном из районов Москвы на октябрьских выборах 2009), но ничего даже отдалённо напоминающего то, что он с апломбом утверждал в том майском интервью 1993-го, произнести он сегодня попросту не посмеет. Напротив, наверняка надеялся на короткую память избирателей.

Так или иначе, сейчас он персонаж маргинальный. Тогда, однако, стоял он в центре событий. Именно чернорубашечники РНЕ оказались боевой гвардией Верховного Совета во время октябрьского мятежа 93-го. Именно его снайперы стреляли с крыш по толпе у Белого дома.

⁸ Об РНЕ см.: *Лихачев В., Прибыловский В.* Русское Национальное Единство 1990-2000. В 2 тт. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2005.

⁹ Интервью с Баркашовым 7 мая 1993 г.

«Час X»

Но давайте по порядку. В конце 1992 года мне довелось беседовать и с темпераментным идеологом тогдашней «партии реванша» Сергеем Кургиняном¹⁰ и с одним из её выдающихся политиков Владимиром Жириновским¹¹. И, удивительное дело, сообщили они мне, не сговариваясь, одно и то же.

Вот, в чем уверял меня Кургинян: «В марте-апреле следующего года национально-освободительное движение будет у власти»¹². Жириновский в обычной своей безапелляционной манере вторил: «В марте в России будет другой политический режим, к власти придут патриоты»¹³. Короче, «час X» был назначен открытым текстом.

Первый в 93-м году номер прохановской газеты *День* открывался «Новогодним словом» главного редактора¹⁴: «Год, в который мы шагнули, запомнится нам как год потрясений и бурь, год сопротивления и победы, физической, во плоти, ибо победу нравственную мы уже одержали»¹⁵.

¹⁰ О Кургиняне см.: *Bellis P., Jeff Gleisner J. After Perestroika: A Neo-Conservative Manifesto // Russia and the World. 1991. No. 19. P. 1-7.*

¹¹ О Жириновском см.: *Umland A. Zhirinovskii as a Fascist: Palingenetic Ultra-Nationalism and the Emergence of the Liberal-Democratic Party of Russia in 1992-93 // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2010. Vol. 14. No. 2. P. 189-216.*

¹² Стенограмма беседы с С.Е. Кургиняном.

¹³ Стенограмма беседы с В.В. Жириновским.

¹⁴ Об Александре Проханове см.: *Simonsen S.G. Aleksandr Prokhanov: The Last Soldier of the Empire // idem. Politics and Personalities: Key Actors in the Russian Opposition. Oslo: PRIO, 1996. P. 91-108.*

¹⁵ *День. 1993. 1-9 января.*

Второе Всесармейское офицерское собрание 93-го года настроено было не менее воинственно. Оно объявило о создании «армии народного спасения» и приняло «Предостережение правительствам недружественных стран и претендентам на мировое господство». Говорилось в нём, между прочим, вот что: «Мы не станем мириться с теми, кто тянет свои руки к нашим богатствам. Эти руки мы отобьём. Мы знаем о ваших планах. Всей авиации мира не хватит, чтобы вывозить с нашей земли трупы ваших солдат»¹⁶.

Два слова о мифах

Это маленькое отступление необходимо, чтобы сделать угрозы Всероссийского офицерского собрания понятными сегодняшнему читателю. Первый миф мы уже цитировали. Офицеры были совершенно уверены: всё, что происходит в России, затеяно Западом, причем исключительно для того, чтобы её ограбить. Второй миф еще любопытнее. Гласил он, что Запад держится на плаву исключительно тем, что грабит Россию.

Вот официальный политический документ, озаглавленный *Отвечает оппозиция* и суммирующий смысл этого мифа: «Не все знают, что экономика США и крупнейших стран Запада переживает тяжелый кризис. Сейчас она держится за счет энергетических и сырьевых ресурсов России, перекачиваемых на Запад по бросовым ценам... За период деятельности правительства Гайдара Россия через поставки дешевого сырья

¹⁶ Цит. по: Новое время. 1993. № 25. С. 13.

сделала вливание в экономику Запада в размере 40-45 миллиардов долларов... Россия спасает экономику Запада за счет обнищания собственного народа»¹⁷.

Газета *День* уверенно уточняла: «Без наших природных ресурсов всё нынешнее благосостояние Запада мгновенно рухнет»¹⁸.

Я понимаю, как легко сегодня посмеяться над этими мифами. Нелепость их очевидна. Хотя бы потому, что «благосостояние Запада» исчислялось десятками триллионов и вклад в него России был ничтожен. В 1992 году, однако, эти мифы были краеугольными камнями всей идеологии «партии реванша». Ими объяснялись не только воинственность «предостережения» претендентам на мировое господство, но и то, что по данным военных социологов в 92-м году «национал-патриотические» взгляды разделяли 70% офицерского корпуса российской армии.

«На штурм Кремля»

Вернёмся, однако, к политикам «партии реванша», предвкушавшим, как мы только что слышали, близкую и несомненную победу. В начале февраля *День* посвятил целую полосу репортажу с первого заседания «Теневого кабинета-93». Начинался репортаж так: «Стремительно надвигается новая схватка, пик которой придется на март-апрель, когда перегруппировка политических сил завершится, экономика будет разру-

¹⁷ Отвечает оппозиция. М.: Палея, 1992. С. 3.

¹⁸ *День*.1992. 24-30 мая.

шена, продовольственные запасы израсходованы. Предлагается выработать рекомендации для революционного движения на нынешний час и на то недалекое уже время, когда оппозиции придётся нести бремя власти в разорённой, охваченной беспорядками дезинтегрирующейся стране»¹⁹. Курс на штурм Кремля был, как видим, взят.

Сегодня это может опять-таки показаться бредом. Но тогда было по-настоящему страшно. И вовсе не только мне. Тогда министр иностранных дел РФ публично признал, что «для России истекает последний веймарский год». Тогда известный либеральный журналист *Московских новостей* соглашался с Козыревым в статье «Либеральный испуг»: «Мне не кажется сенсационным вывод Андрея Козырева, чье интервью *Известиям* почему-то наделало шума, хотя для вдумчивых наблюдателей уже совершенно очевидно: то, что происходит сейчас у нас, похоже на 1933 год в Германии, когда часть демократов стала переходить на сторону националистов»²⁰. Тогда молодой американский аналитик, ныне советник президента Обамы, Майкл МакФол писал без обиняков: «Инфляция больше не является в России врагом № 1. Фашизм является»²¹.

Я понимаю, как трудно сегодня во всё это поверить даже непосредственным участникам событий, не говоря уже о редакции журнала *Сноб*. Спросите хоть того же Проханова. Или Козырева.

¹⁹ День. 1993.7-13 февраля.

²⁰ Московские новости. 1992. 19 июня.

²¹ *McFaul M. The Specter of Russian Fascism: Recommendations for U.S. Policy // Conversion. 1994. № 3. January.*

Но ведь это факт, подтвержденный документально. И мне нужно его сейчас зафиксировать лишь затем, чтоб не осталось сомнений: гипотеза о веймарской России действительно рождалась в другой стране.

А что же Запад?

Что делало тогда ситуацию еще более фантазмагорической, это индифферентность Запада. Никакого сравнения с сегодняшним переполюсом вокруг Ирана, который лишь намеревается обзавестись ядерной бомбой и у которого даже в проекте нет межконтинентальных ракет. Тогдашняя Россия, оцетинившаяся межконтинентальными ракетами, оснащенными тысячами ядерных боеголовок, должна была, казалось, вызывать тревогу несопоставимо большую. Особенно потому, что 70% её офицерского корпуса разделяли, как мы уже знаем, взгляды «партии реванша».

Ведь в той психологической войне, которую мы только что описали и которую, можно сказать, у нас на глазах выигрывали яростные ненавистники Запада, ничуть не менее фанатичные, чем иранские муллы, спор шел как раз о контроле над арсеналом ядерной сверхдержавы. Опять, как в веймарские времена, на кону стояли жизнь и смерть Запада. Но нет, словно оглох Запад.

Юный МакФол был исключением. Он был в Москве, он говорил по-русски, он понимал, о чем был спор. Но и ему публиковать своё страш-

ное прозрение пришлось в заштатном издании Стэнфордского университета²². Те, кто представлял мейнстрим американской политики, его не слышали. Им и в голову не пришло ни помочь Горбачеву в 1990 году, ни помочь Ельцину в 1992-м. Они были заняты другими вещами, более, по их мнению, важными – сначала Кувейтом, потом президентскими выборами.

Но, что еще хуже, колумнисты центральных газет просто не разумели, о чем, собственно, речь. Вот стандартный ответ, который приходилось мне от них тогда слышать: «Ну что, собственно, в России происходит? Буйствуют на улицах неонацистские хулиганы и бритоголовые? Но ведь это сброд. Он демонстрирует лишь склонность к вандализму, причем склонность эта не столько от страсти, сколько от скуки, не столько от политических убеждений, сколько от дикарства». В отчаяние можно было прийти от таких рассуждений.

Отсюда серия цитат, которую привёл я в «*Веймарской*» России²³ в надежде – впрочем, тщетной – это рассуждение опровергнуть. Вот что думал об Америке выдающийся российский математик, в недавнем прошлом почетный американский академик, а в 1990-е ведущий идеолог «партии реванша» Игорь Шафаревич²⁴: «Нам противостоит очень агрессивная, безжалостная цивилизация. Центром ее является страна, на-

²² Там же. См. также: idem. Thwarting the Specter of Russian Fascism // *Demokratizatsiya*. 1993. Vol. 1. No. 2. P. 1-19.

²³ Янов А. После Ельцина.

²⁴ О Шафаревиче см.: *Horvath R.* The Spectre of Russophobia // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 1998. Vol. 25. No. 2. P. 199-222.

чавшая с истребления своего коренного населения. Этот грех бродит в её крови и порождает Хиросиму и убийство 150 тысяч иракцев всего лишь для того, чтобы не поднялись немного цены на горючее для автомобилей. Страна, созданная эмигрантами, людьми без корней, чуждыми её ландшафту и её истории. Это цивилизация, стремящаяся превратить весь мир – и материальный, и духовный – в пустыню, подобную лунному ландшафту. Только в рамках этой борьбы, где ставка – существование человечества, а может быть, и всего живого, можно расценить русский кризис»²⁵.

А вот бывший кумир европейских интеллектуалов, автор бестселлера *Зияющие высоты* Александр Зиновьев²⁶: «Запад хотел руками Гитлера разрушить Россию. Не удалось. Теперь Запад пытается делать то же самое под видом борьбы за демократию, права человека и прочее. Идёт война двух миров. На чьей ты стороне – вот в чем вопрос»²⁷.

Теперь слово одному из самых красноречивых идеологов «партии реванша», театральному режиссеру Сергею Кургиняну: «Действительный принцип политики Запада в отношении России – это неразвитие, неразвитие и еще раз неразвитие, а далее – опускание в «Юг». Но это позже, после экспорта мозгов, ликвидации ядерного оружия и вывоза высоких технологий. Нынеш-

²⁵ Наш современник. 1993. № 3. С. 159.

²⁶ О Зиновьеве см.: *Кирквуд М.* Понятие идеологии в творчестве Александра Зиновьева // Александр Александрович Зиновьев / Под. ред. А.А. Гусейнова. М.: РОССПЕН, 2009. С. 271-307.

²⁷ Наш современник. 1993. № 4. С. 74.

ние процессы в нашей стране – это война против России»²⁸.

Вот, наконец, один из высших иерархов православной церкви, митрополит Петербургский и Ладужский Иоанн²⁹, опубликовавший в начале того же 1993 года послание к верующим под вполне светским названием *Битва за Россию*: «Против России, против русского народа ведётся подлая, грязная война, хорошо оплачиваемая, тщательно спланированная и беспощадная... Пришло время предъявить к оплате копившиеся веками счета»³⁰.

Я цитировал интеллектуалов высшей пробы. Никому из них нельзя было отказать ни в подлинной страсти, ни в политической убежденности. И в склонности к вандализму их тоже нельзя было заподозрить. Напротив, это они обвиняли своего врага, либеральный Запад, в вандализме, в том, что он, вспомним, «стремится превратить весь мир – и материальный и духовный – в пустыню». И в том, конечно, что он, Запад, ведёт против России беспощадную войну на уничтожение. Никто в Европе со времен гитлеризма не бросал Западу вызов такой нескрываемой, зоологической, если хотите, ненависти.

Смысл вызова состоял, по сути, в том, что, если Россия не ответит на вероломство Запада столь же беспощадной войной против него, какую он ведет против нее, она погибнет. В том, чтобы де-

²⁸ Поле ответного действия. М.: Клуб Пост-перестройка, 1993. С. 34, 10.

²⁹ Об Иоанне см.: *Slater W. A Modern-Day Saint? Metropolitan Ioann and the Post-Soviet Russian Orthodox Church // Religion, State and Society. 2000. Vol. 28. No. 4. P. 313-325.*

³⁰ Цит. по: Новое время. 1993. № 13. С. 42.

легитимизировать Запад в глазах «патриотических» масс, представить его как сборище нелюдей, которых не грех и сжечь в пламени ядерной войны.

А Запад, что ж... Он даже и не пытался ответить на этот вызов. Он его просто не слышал, игнорировал, лепеча что-то про «уличных хулиганов, буйствующих от скуки». Вот такой обнаружился тогда когнитивный диссонанс³¹.

Результатов было два. О первом мы уже говорили: идеологам «партии реванша» удалось расколоть офицерский корпус российской армии. Вторым была еще более головокружительная и пугающая метаморфоза парламента страны, внезапно преградившего в 92-м дорогу демократической трансформации России.

Да, конечно, большинство в нём составляли «бывшие коммунисты». Но ведь совсем еще недавно именно эти «бывшие» выбрали Ельцина председателем Верховного Совета и твёрдо стояли рядом с ним, обусловив провал реваншистского путча в августе 91-го. Именно они вручили Ельцину чрезвычайные полномочия для проведения рыночной реформы. А в 92-м они стояли против нее стеной. Можете вы представить себе уличных хулиганов, способных на протяжении нескольких месяцев подчинить себе законодательное собрание страны?

Боюсь, российские либералы и по сию пору не простили Западу этот когнитивный диссонанс. И в частности, то обстоятельство, что, когда

³¹ См. также: *Yanov A. Russian Nationalism in Western Studies: Misadventures of a Moribund Paradigm // Demokratizatsiya. 2001. Vol. 9. No. 4. P. 552-568.*

28 марта 1993 года настал, как мы скоро увидим, «час X», обещанный миру «партией реванша», даже и не заметил Запад, что лишь 72 голоса в парламенте отделяли её от контроля над арсеналом ядерной сверхдержавы.

Когда 1 августа 93-го в *Нью Йорк Таймс* появилась редакционная статья «Новая Русская империя?», я поначалу грешным делом подумал, что лидеры американского общественного мнения, пусть и с запозданием, разобрались, наконец, в том, что происходит в России. Увы, по мере того, как я ее читал, становилось ясно, что когнитивный диссонанс продолжается. «Если националисты», – говорилось в статье, – «умеют направить крупнейшее в Европе государство с самым большим на континенте военным и ядерным арсеналом на курс экспансионизма, перспективы международной безопасности могут трансформироваться за одну ночь»³².

Золотые слова! Но что же нам по этому поводу делать? Как спасти ситуацию? «Вашингтон», – рекомендовала газета, – «может использовать как пряник, так и кнут, чтобы помочь м-ру Ельцину отбить натиск националистов». Какой, однако, кнут? «Нужно ясно предупредить националистов, что продолжающееся военное вмешательство в политику нерусских республик может привести к экономической изоляции России»³³. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Да при чем здесь «нерусские республики», когда именно Западу угрожали русские нацио-

³² The New York Times. 1993. 1 August.

³³ Там же.

налисты? И, главное в ситуации, когда миф, будто Запад держится на плаву исключительно благодаря ограблению России, господствовал, как мы видели, в умах этих самых националистов? Ведь именно о том, чтобы **удушить Запад посредством ЕГО экономической изоляции от России они и мечтали!** И эту их мечту *Нью Йорк Таймс* называла «кнутом»? Что же в таком случае имела она в виду под «пряником»? Нет, по-прежнему совсем ничего эти люди не понимали в том, что происходило в России.

Уж как, казалось бы, популярно объяснял им тот же Баркашов, что «наших собственных ресурсов вполне хватит для автономного развития на случай любого экономического бойкота со стороны Запада»³⁴. Как терпеливо он повторял, что именно Запад такого бойкота не переживёт! Вот смотрите: «В результате прекращения поставок нашего сырья в США и на Западе наступит резкий спад производства, что повлечет за собою неслыханный экономический кризис». Более того, он, как и вся «партия реванша», ни минуты не сомневался, что в этом случае **«выхода из кризиса для США не будет»** [выделено автором]. Сотрясаемые классовыми и социальными волнениями они скорее всего развалятся на ряд небольших государств... Когда это произойдёт, в мире останется только одно самое могучее государство... Впереди эра России – и она уже началась»³⁵. Теперь понятно?

³⁴ День. 1992. 24-30 мая.

³⁵ Там же.

Провал «часа X»

Поторопился, однако, Баркашов с «эрой России». Как и Кургинян с Жириновским. Да, «час X» начался, как они и обещали, 28 марта 1993 года. Да, в этот роковой день большинство Верховного Совета действительно проголосовало за импичмент президенту. Да, было страшновато. Да, Егор Гайдар, исполнявший обязанности председателя первого правительства Ельцина, провёл этот день, по его собственному признанию, в ожидании ареста.

Но в этот же день закралось в моё сознание первое сомнение в правильности веймарского сценария, на котором, как мы помним, настаивали Козырев, *Московские новости* и МакФол. Закралось потому, что разрекламированный «штурм Кремля» провалился. Как мы уже знаем, 72 голосов не хватило. Решено было вынести вопрос о доверии президенту на всенародный референдум.

Что-то у «партии реванша», еще вчера казавшейся всесильной, не клеилось. Она рассчитывала на энтузиазм «патриотических» масс. Но оказалось вдруг, что воинственное настроение этих масс почему-то не совпадало с настроением большинства нации? Тут бы «партии реванша», да и нам всем, перепуганным либералам, как раз и задуматься.

Но мы не задумались. И уж тем более не задумалась «партия реванша». Она продолжала верить в свое всемогущество, уверенная, что референдум она выиграет. Как писал бывший

демократ, «перебежчик» Михаил Астафьев, «поражение Ельцина повлечет за собой его уход с политической арены... Ельцин не выиграет референдум, даже если его сторонники и попытаются подтасовать результаты голосования. Если же Ельцин откажется признать результаты голосования, депутаты вновь прибегнут к процедуре отречения его от должности. Ельцин утратил ореол политической неприкосновенности и должен получить то, что он заслужил»³⁶.

Но Ельцин выиграл референдум. Голосов «патриотических масс» опять не хватило. Разочарование в рядах «партии реванша» было колоссальным. Но руки она не опустила. Просто сменила парламентский вариант захвата власти на силовой. Результатом был еще один, октябрьский штурм, на этот раз Белого дома, московской мэрии и телевизионного центра в Останкино. Большинством Верховного Совета (несогласные покинули зал заранее) Ельцин был низложен, новым президентом провозглашен генерал Руцкой (бывший вице-президент), который в окружении других генералов (Ачалова, Филатова, Макашова) призвал армию и народ восстановить «конституционный порядок». Поставила-таки страну «партия реванша» на грань гражданской войны.

Что было дальше, видели все – кто вживе, кто по телевидению. Вопреки призыву мятежных генералов, деморализованная армия не пришла на помощь осажденному в Белом доме «охвостью» Верховного Совета. Народ не пришел тоже. Чернорубашечники Баркашова со своими

³⁶ День. 1993. 4-10 апреля.

снайперскими винтовками не были, конечно, ровней танку, обстрелявшему верхние этажи здания. Запаниковавшие депутаты предпочли капитулировать. И потянулись – сдаваться.

Гражданская война в России была предотвращена, угроза застигнутому врасплох Западу ликвидирована – без всякого участия Запада, так никогда и не понявшего, что собственно произошло. Попутно октябрьские танковые залпы положили, наконец, предел глобальной конфронтации в Европе, т.е. тому, что действительно было величайшей геополитической катастрофой XX века, начавшейся 1 августа 1914 года и затянувшейся почти на столетие.

Интермеццо

Три сокрушительных поражения «партии реванша» на протяжении полугода – неудача мартовского импичмента, провал апрельского референдума, капитуляция октябрьских мятежников – дают нам, казалось бы, все основания остановиться, оглянуться, перейти к аналитической части нашего интервью. Короче, попытаться ответить на главный интересующий нас вопрос: почему аналогичные вроде бы события привели в России к совсем другому результату, нежели тот, к которому привели они в Германии? И что объясняет нам это по поводу будущего?

«Вот-вот,» – перебила меня собеседница из *Сноба*, – «именно об этом я и хотела бы вас спросить. Ну хорошо, вы убедили меня, что Россия 1992-93 годов была совсем не похожа на ны-

нешнюю. Что впад на некоторое, пусть недолгое время в своего рода «веймарскую судорогу», превратившись в своего рода Русский Веймар, она, в отличие от Германии 1930-х, самостоятельно, как вы настойчиво подчеркиваете, от неё излечилась. И тем не менее оказалась она все-таки на такую судорогу способна. Вы сами не оставили в этом ни малейшего сомнения. Так застрахована ли страна от её рецидивов, едва чугунная плита, которой накрыл российскую политику режим Путина, будет отодвинута? Разве весь этот неонацистский вандализм, с которого мы начали наше интервью, все эти писатели и художники-лауреаты и сочувствующие их эскападам партийные бонзы, разве сегодняшние нацистские марши так уж ничего и не имеют общего с тем «предвеймарским», если хотите, временем 1953-1985 годов, когда страна тоже была накрыта чугунной крышкой советской власти, со всем тем, в частности, что подробно описано в книге Николая Митрохина *Русская партия*³⁷? Так почему же – перед лицом всех этих фактов – вы торопитесь отречься от собственной гипотезы? Не рано ли?»

Что говорит нам история?

Нет, не думаю, что рано. И раз уж Вы апеллируете к отечественной истории, давайте углубимся в неё еще немножко. Вспомним, ведь удивительная безрезультатность того, что Вы на-

³⁷ Митрохин Н.А. Русская партия: движение русских националистов в СССР. 1953-1985. М.: НЛО, 2003.

звали «Русским Веймаром» 90-х годов, вовсе не была новостью для России XX века. Точно такое же поражение потерпел в 1905-1917 и первый Русский Веймар, хотя и готовился к своему «часу X» больше полувека после Крымской войны (эта его подготовка очень подробно описана во втором и третьем томах моей трилогии³⁸).

Кульминацией его было черносотенное движение, тоже, между прочим, «партия реванша». Его ведущая организация Союз русского народа была, если верить воспоминаниям его шефа Николая Евгеньевича Маркова, «построена на тех же основаниях, на которых 17 лет спустя построился итальянский фашизм»³⁹. И это была сильная организация. По словам французского посла в Петербурге Жоржа Луиса, «Черносотенцы управляли Россией и правительство им подчинялось, поскольку знало, что им симпатизирует царь»⁴⁰.

Короче, вопреки тому, что принято о них сейчас думать, это была несопоставимо более грозная сила, нежели сегодняшние неонацисты и художники-лауреаты. Кстати, если уж говорить о культурной сцене тех лет, то очень подробные сведения о ней сообщил нам известный советский апологет черносотенства В.В. Кожинов. Согласно ему, сочувствовали его тогдашним единомышленникам виднейшие деятели русской культуры.

Вот список Кожинова: «Один из авторитетнейших филологов академик К.Я. Грот, знаменитый

³⁸ Янов А. Россия и Европа. 1462-1921.

³⁹ Марков Н.Е. Войны темных сил. 2 тт. Париж: Изд-во Светлейшего Князя М.К. Горчакова, 1928. Т. 1. С. 131.

⁴⁰ Цит. по: *Laqueur W. Black Hundreds: The Rise of the Extreme Right in Russia.* N.Y.: HarperCollins, 1993. P. 19.

историк академик Н.П. Лихачев, один из крупнейших медиков профессор С.С. Боткин, великая актриса М.Г. Савина, известный византист академик Н.П. Кондаков, поэты Константин Случевский и Михаил Кузмин, живописцы Константин Маковский и Николай Рерих, один из корифеев ботанической науки (впоследствии президент Академии наук СССР) В.Л. Комаров, выдающийся книгоиздатель И.Д. Сытин и т.п. и т.п.»⁴¹.

Даже если Кожинов преувеличивал (за ним такое водилось) впечатляющее, согласитесь, созвездие. На самом деле куда более впечатляющее, нежели то, на которое Вы ссылались в начале нашего интервью. При всем этом остались в истории черносотенцы как мародеры и погромщики. И, конечно, убийцы: 80 человек были убиты во время погрома в Белостоке, 120 в Екатеринославе, 300 в Одессе, не считая тысяч покалеченных⁴².

Между тем происходили эти погромы с благословения православной церкви, которая никогда в них, кстати, не покаялась, и благодаря субсидиям от правительства. И «патриотическая» культурная элита, перечисленная Кожиновым, знала об этих убийствах (не могла не знать, все газеты писали), но странным образом даже не пыталась связать их со своими симпатиями к черносотенцам. Так выглядела «предвеймарская ситуация» в тогдашней России.

Между прочим, в том, что именно черносотенцы были «прямыми предшественниками

⁴¹ Кожинов В.В. Загадочные страницы истории XX века: «черносотенцы» и революция. М.: Прима В, 1998. С. 24.

⁴² *Laqueur W. Black Hundreds.* P. 25.

современных правых», не сомневается даже официальный историк русского национал-патриотизма С.В. Лебедев, всемерно им сочувствующий. «Если какие-либо партии и можно было назвать всенародными, то это могли быть лишь черносотенцы»⁴³. Ибо только им «удалось мобилизовать на защиту традиционной Православной и Самодержавной России десятки тысяч людей и стать одной из движущих сил российской политической жизни»⁴⁴.

И что же? Чем закончился этот первый Русский Веймар? Разве не тем же, чем закончился в 1990-х второй? Союз русского народа был запрещен задолго до того, как пришли к власти большевики, лопнул как пузырь, наполненный нечистотами, в феврале 1917. Да ведь и к 1990-м русские националисты тоже, согласно упомянутому вами исследованию Н. Митрохина, готовились почти три десятилетия.

Но если так, то не резонно ли спросить себя, почему в обоих случаях тщательно подготовленные «национальные революции» в России завершились, в отличие от Германии, пшиком? Мы, конечно, очень подробно сейчас рассмотрим конкретные причины поражения второго «Веймара». И может быть, это всё же прольёт свет на то, почему моё отречение от собственной гипотезы не было преждевременным. Но для этого нам придется вновь окунуться в гущу событий.

⁴³ День. 1992. 24-30 мая.

⁴⁴ Лебедев С.В. Русские идеи и русское дело: национально-патриотическое движение в России в прошлом и настоящем. СПб.: Алетейя, 2007. С. 118.

Как завоевать большинство?

Отдадим должное националистам: немедленно после провала «часа X» их идеологи впервые задумались о том, почему большинство, как в Верховном Совете, так и на референдуме, за ними не пошло. Да, это большинство было жестоко травмировано полуголодными годами гласности и «шоковой терапией». Да, оно было глубоко оскорблено распадом империи, величие которой компенсировало в его сознании привычную советскую скудость жизни. Да «дермократия», как принято было тогда в «патриотических» кругах выражаться, никак не могла заменить это утраченное величие. Все это лидеры «партии реванша» знали, на это рассчитывали. Но оказалось вдруг, что этого недостаточно, чтобы побудить большинство нации последовать за нею. Чего-то не хватало. Но чего?

Может быть, дело было в том, что большинство просто устало от чрезвычайного возбуждения 1989-91, связанного с крушением советской диктатуры? Может быть, в том, что ни достойного будущего для его детей, ни спокойной и мирной жизни «партия реванша» ему не обещала, предлагая вместо этого еще более жестокую диктатуру и новую конфронтацию с миром? Так или иначе, спрос на её предложение оказался неожиданно ограниченным. И вдобавок еще никак не могли «патриотические» лидеры прийти к единому мнению, что конкретно следует им предложить большинству. Разброд был страшный.

Уже знакомый нам «коричневый» Александр Баркашов, начитавшийся модного и по сию пору эмигрантского философа Ивана Ильина, с солдатской прямоотой утверждал, что «спасительной для нашего государства является национальная диктатура»⁴⁵. Все, что сверх этого (и, конечно, экономического удушения Запада) его не занимало. «Белые» в лице лидера Национал-республиканской партии Николая Лысенко выглядели умнее. Они понимали, что одной диктатуры мало. Что нужна еще вдохновляющая национальная цель, способная повести за собой большинство. В конце концов, рассуждали они, знал это и учитель Баркашова «Адольф Алоизович» (Гитлер), когда провозглашал, что Германия может быть или великой или никакой.

Вот Лысенко и объясняет в статье «Цель – великая империя», что поднять Россию с колен может лишь «обретение ею мессианского статуса единственного в мире защитника национальных культур от космополитической американоидной экспансии, технотронного геноцида и потребительского вырождения»⁴⁶. Это, естественно, предполагало необходимость тотчас же «вступить в тотальную борьбу с Западом и прежде всего с США за интеллектуальное и технологическое лидерство».

Само собою разумеется, уверен был Лысенко, что такая тотальная борьба «потребуется создания идеологии технотронного натиска, неизбежно выдвинет своих героев, мучеников и поэтов»⁴⁷. Как и его идеологический наставник Сергей Кур-

⁴⁵ Цит.: там же. С. 124.

⁴⁶ День. 1993. 2-8 мая.

⁴⁷ Там же.

гинян, Лысенко, в отличие от Баркашова, полагал, что «нет и не может быть сильной организации без сильной и современной идеологии»⁴⁸.

Странным образом, однако, ни Лысенко, ни его наставник не спросили себя, действительно ли в условиях всеобщей нужды воспримет большинство как угрозу «потребительское вырождение» и действительно ли выглядит в его глазах «тотальная борьба с Западом» условием достойного будущего для его детей.

Дело, впрочем, было еще сложнее. Не возник перед ними и вопрос, захочет ли большинство поверить свою судьбу политическому движению, если одна его часть («белые») убеждена, что стране следует немедленно приступить к идеологическому натиску на Запад с его «потребительским вырождением», держась при этом подальше от коммунистов, а другая («красные») требует вместо этого столь же немедленно заняться восстановлением социализма (ассоциируемого в глазах большинства с прежней советской скудостью).

Сложность дела, увы, не исчерпывалась и этим. Ибо третий отряд оппозиции («коричневые») ратовал, как мы видели, за «национальную диктатуру» без евреев и коммунистов, а четвертый (вчерашние демократы, «перебежчики») – вообще за парламентскую республику, пусть и с коммунистами. Нет, никак не совмещалось у оппозиции несовместимое.

Конечно, ее идеологи пытались убеждать друг друга. Но дальше анекдотов дело не шло. «Бе-

⁴⁸ Поле ответного действия. С. 13.

лый» Лысенко мог сколько угодно убеждать «коричневого» Баркашова, что Гитлер, объявивший тотальную войну Западу за идеологическое первенство, более надежный учитель для России, чем Иван Ильин с его диктатурой. Но тот парировал, что и сам Ильин в свое время симпатизировал именно нацистской ДИКТАТУРЕ и даже настойчиво рекомендовал русским эмигрантам не смущаться этим и вообще «не смотреть на гитлеризм глазами евреев».

«Перебежчики», в свою очередь, содрогались, когда их новоиспеченный соратник провозглашал на весь свет, что он «наци». А каково было слышать всю эту ересь вперемежку с «буржуазными» парламентскими всхлипываниями председателю только что воссозданной Коммунистической партии России Геннадию Зюганову? Ему-то приходилось работать бок о бок и с «наци», и с «перебежчиками». Имея в виду, что поддаваться не хотел никто, можно представить себе, что это была за работа...

Ситуация складывалась так, что «патриотическая» оппозиция все больше и больше напоминала нечто вроде партизанского воинства, где штаб каждого отряда не покладая рук трудился над тем, чтобы ослабить союзников-конкурентов. С какой, помилуйте, стати одни партизанские командиры стали бы подчиняться другим, если их политические цели прямо им противоречили?

Да, национал-патриоты готовились к этому моменту десятилетиями, но когда он, наконец, настал, оказалось вдруг, что не готовы они к

нему совершенно. Точно так же, как в 1917. Честно говоря, еще меньше. Весь накопленный идейный багаж сводился у них, как и до революции, к лозунгу «Россия единая и неделимая». А в 90-е добавилась к этому еще необходимость сотрудничать с коммунистами и с «перебежчиками», чего они решительно не умели. Даже не предполагали, что им придется с такими людьми сотрудничать. Да и между собою обнаружили они непримиримые, как мы видели, противоречия.

Нельзя сказать, что нацисты, когда шли в 1933 к власти (или большевики в 1917) были так уж свободны от фракционных конфликтов. Но по какой-то причине никогда не доводили их эти конфликты до той степени деморализации, что помешала бы им завоевать большинство. А вот «патриотическая» (или, если хотите, фашистская) оппозиция в России так и не смогла этого добиться – ни в 1917, ни в 1990-е. В чем же были причины их повторяющейся неудачи? Согласитесь, что не разобравшись в этом подробно, мы едва ли поймем самые глубокие основы моего отречения.

Проблема лидерства

Я думаю, что главных причин было четыре. Во-первых, неспособность выдвинуть общепризнанного харизматического лидера, которому согласились бы беспрекословно подчиниться все фракции оппозиции, неспособность, иначе говоря, превратиться из партизанской вольницы в регулярную армию. Во-вторых, неспособность

предложить привлекательные для большинства национальные цели. В-третьих, столь же хроническая неспособность выработать то, что сами оппозиционеры называли «непротиворечивой идеологией». И в-четвертых, наконец, свирепый антиинтеллектуализм «патриотических» масс и вытекающее из него неизлечимое недоверие к элите оппозиции.

А теперь пойдём по порядку. Начнем с первой попытки коронации, так сказать, русского Il Duce (теперь напрочь забытой). Начнем еще и по той причине, что она тотчас нам продемонстрирует: попытка закончилась неудачей не потому, что «патриотическая» общественность не хотела общепризнанного лидера – она мечтала о нем как о спасителе, – а потому, что Муссолини в России оказался просто напросто невозможен.

Так или иначе, началось действо 12-13 июня в Колонном зале Дома Союзов, самом престижном из дворцов в центре Москвы (в том самом, где прощались со Сталиным). На первый съезд Русского национального собора (РНС) съехались 1250 делегатов от 117 городов и 62 политических организаций из всех республик бывшего СССР. Блистали в президиуме все звезды «патриотического» небосклона. Зрелище в зале было не менее впечатляющее, пиджачные пары парламентариев перемежались с черными сутанами священников, экзотические казачьи черкески с золотопогонными мундирами генералов. В первых рядах клубился оппозиционный бомонд: знаменитые писатели перешептывались с еще более знаменитыми режиссерами и тележурналистами.

С трибуны призывали к свержению «правительства измены» и «оккупационного режима».

«Факт налицо», – уныло констатировали *Московские новости*, – «в полку национал-патриотов прибыло»⁴⁹. 16 июня Югославское телеграфное агентство распространило комментарий своего корреспондента в Москве, где в частности говорилось: «Кто присутствовал на съезде Русского национального собора, не может больше утверждать, что оппозиция не взяла бы в свои руки власть, если бы выборы состоялись завтра»⁵⁰.

«Русский собор выбирает третий путь!» – провозгласила газета *Правда*⁵¹. *День* согласился с этой оценкой. Третий путь означал, что новое «соборное» правительство России выступает одновременно как «против интернационального коммунизма, так и против космополитической западной демократии»⁵².

Чтобы подчеркнуть солидность мероприятия, Собор открывал знаменитый ученый, член-корр. Академии наук СССР Игорь Шафаревич. И приветственное слово его было обращено к новому спасителю «патриотической России», бывшему генералу КГБ Александру Стерлигову.

Месяцы спустя репортер *Дня*, интервьюируя разочарованного Шафаревича, так объяснил тогдашнее отношение осчастливленных «патриотов» к долгожданному кумиру: «Он казался единственным профессионалом, способным на

⁴⁹ *Московские новости*. 1992. 19 июня

⁵⁰ Бюллетень ИТАР-ТАСС. 1992. 16 июня.

⁵¹ *Правда*. 1992. 16 июня.

⁵² *День*. 1992. 19-25 июня.

решительные, радикальные действия»⁵³. Ситуация, согласитесь, более чем пикантная: бывший диссидент Шафаревич благословлял на спасение России профессионального гебешника. Но разочарование было потом, а тогда...

Тогда крупнейший в ту пору московский предприниматель писал: «Я хорошо отношусь ко многим политикам оппозиции, но генерал Стерлигов – единственный, кому я верю безоговорочно»⁵⁴. Ничто, казалось, не могло тогда омрачить репутацию человека на белом коне, пришедшего спасти Россию и ставшего на мгновение «символом преодоления исторического раскола страны на красных и белых»⁵⁵.

Закат новой «звезды»

Увы, момент Стерлигова длился недолго. Ошибка его заключалась в том, что он поверил в свою судьбу русского Муссолини. И не понял, что копать под него начнут немедленно. И многие. И предлог свалить нового кумира найдется очень быстро. Тем более, что лето сменилось осенью – и перед оппозицией встали новые вопросы.

Падение «правительства измены» считалось к тому времени делом предрешенным. Но что потом? Устранив Гайдара, развивать успех, попытавшись свалить самого Ельцина? Или предложить президенту компромисс – заменить «правительство измены» коалицией, составленной

⁵³ День. 1993. 1-9 января.

⁵⁴ День. 1993. 18-24 апреля.

⁵⁵ Александр Стерлигов (Серия «Жизнь замечательных россиян»). М.: Палея, 1992.

главным образом из гебешников Стерлигова, но слегка разбавленной статистами из «Гражданского союза»?

Гитлеру такой маневр удался. Он не пошел против президента Гинденбурга. В январе 1933-го он предложил ему именно коалиционное правительство – и выиграл (быстренько избавившись от «коалиционных» партнеров). Вдохновленный, надо полагать, этим примером и вообразив себя единоличным вождем оппозиции (что после июньских торжеств казалось совершенно естественным), Стерлигов предложил Ельцину сделку: коалиционное правительство в обмен на неприкосновенность его президентства. Чего он не принял в расчет, это агрессивного настроения «патриотических» масс, искусно раздуваемого его соперниками – как «белыми», так и национал-большевиками. Те требовали свержения «оккупационного режима», а не одного лишь «правительства измены». Два слова меняли всю диспозицию. Эта разница и сгубила Стерлигова.

Темпераментный Эдуард Лимонов, сегодня вроде бы озабоченный исключительно защитой прав человека, тогда рвал и метал. «Мы не хотим вашу либерально-демократическую интернациональную Россию», – провозглашал он со страниц *Дня*, – «нам нужна национальная Россия, от Ленинграда до Камчатки только русский язык и русские школы. Мы хотим русифицировать страну национальной революцией»⁵⁶.

Никто еще не сформулировал до этого столь графически, что на самом деле «национальная

⁵⁶ *День*. 1993. № 23.

революция» означала в устах оппозиции гражданскую войну. Можете Вы себе представить, сколько крови понадобилось бы пролить, чтобы в России с ее двенадцатью языками отнять у татар, у башкир, у черкесов – о чеченцах я уж и не говорю – их родной язык? А «красно-белый» Сергей Бабурин поддакивал, предлагая «вспомнить о русской миссии, о тайном судьбоносном предназначении нашего народа»⁵⁷.

Еще бóльшим сюрпризом для Стерлигова стало то, что и «перебежчики» решили играть против него ва-банк. Им нужна была голова «предателя» Ельцина, а вовсе не какая-то вшивая коалиция под его эгидой. И они немедленно занялись созданием конкурирующей объединительной организации – Фронта национального спасения.

Стерлигов решительно не видел надобности ни в каком таком фронте. Но он недооценил энергию и коварство своих вчерашних союзников. Да, Гитлер мог позволить себе «коалиционный» маневр. Но что позволено Юпитеру... А Юпитером Стерлигов для них, как выяснилось, не был.

Он сделал последнюю судорожную попытку объявить Фронт составной частью своего Собора. Но лидер «перебежчиков» Илья Константинов и слышать об этом не захотел. Он ведь шел не только на штурм Кремля, он шел на перехват лидерства.

И 24 октября в Парламентском центре России он продемонстрировал стране еще более вну-

⁵⁷ Элементы. 1992. № 2.

шительное зрелище, нежели Стерлигов в июне. На открытие Фронта съехались 1428 делегатов от 103 городов и 675 гостей. Присутствовало также 270 аккредитованных журналистов, 117 из них от зарубежных агентств и журналов. Новым спасителем России был провозглашен Константинов.

Мы уже знаем, что ждала его судьба предшественника, но он, сиюминутный триумфатор, естественно, об этом не подозревал. И, прислушавшись к советам Лимонова и Бабурина, взял обреченный на поражение курс на конфронтацию с «главарем оккупационного режима».

А Стерлигов что ж, с ним случилось то, что всегда случается с низложенными вождями: он был разжалован из генералиссимусов в рядовые и вдобавок еще заклеямен «раскольником»⁵⁸. Оба сопредседателя Собора Геннадий Зюганов и Валентин Распутин вместе со всеми членами Президиума РНС, включая Баркашова, публично отмежевались от «недопустимого заявления Стерлигова, на которое никто его не уполномочивал»⁵⁹.

Так закатилась звезда вчерашнего спасителя России, оказавшаяся на поверку лишь мимолетным метеором. И самым, наверное, обидным для него было отречение академика Шафаревича, всего три месяца назад прославлявшего его как «единственного профессионала», способного спасти страну. Теперь Шафаревич неожиданно вспомнил, что Стерлигов «работал в

⁵⁸ Коммерсант-Daily. 1992. 5 ноября

⁵⁹ Цит. по: Гельбрас В. Кто есть кто: политическая Москва. М.: Catallaxy, 1993. С. 493.

пятом управлении КГБ, боролся с инакомыслящими. Может, и я был его подопечным». И заключил, что «надежда на генерала была жизнью опровергнута»⁶⁰.

«Люди в жилетках»

Со сменой лидера переменялся и персонал на оппозиционном Олимпе. Вместо гебешных мордovorотов Стерлигова замелькали «люди в жилетках» (выражение Проханова), элита, можно сказать, оппозиции. Место закулисных переговоров заняли парламентские процедуры. Только вот веяло от этих людей чем-то странным. Я даже не понял поначалу чем: то ли неуверенностью в себе, то ли... элементарным страхом. Нет, не перед властью, у них не было сомнений, что к весне они уже будут у руля. Но тогда перед чем же? Прошло некоторое время прежде, чем я догадался: эти люди отчаянно боялись своей собственной политической базы, «патриотических» масс.

Впервые заметил я это еще в феврале 1992 на широко разрекламированной встрече оппозиционной элиты с массовой аудиторией в кино-театре «Россия», где несчастные «перебежчики» Виктор Аксючиц и Михаил Астафьев походили не столько на укротителей «патриотических» львов, сколько на христианских девственниц, брошенных им на растерзание. С тех пор это ощущение странной жалости преследовало меня всякий раз, когда мне приходилось встречаться со мно-

⁶⁰ День. 1993. 1-9 января.

гими лидерами оппозиции. Если в квартире или в офисе, где наш диалог записывался на пленку, появлялись неожиданные посетители, мои собеседники замолкали и бледнели, словно преступники, пойманные с поличным.

Помню, как ошеломило меня откровенное признание одного из них, с которым провели мы много часов, обсуждая будущее России. Оказалось, что мне не только нельзя обнародовать его мысли под его именем, но и сама наша встреча должна была оставаться секретом: «Если вы кому-нибудь расскажете, что я у вас был, мне конец». «Да как же можете вы», – ахнул я, – «позволить себе зависеть от этой, по вашим собственным словам, "сволочи"?» Он лишь устало пожал плечами.

Как же, спрашивается, рассчитывали оппозиционные интеллектуалы справиться с фашистами в собственных рядах в случае, если оппозиция, не дай бог, победит? Как смогли бы они руководить будущей Россией, если уже тогда чувствовали они себя крепостными этой «сволочи», зависели от нее, приспособлялись к ее образу мыслей и молились ее богам?

Впрочем, вопросы были риторическими. Победить им было не суждено. Лидерство Константинова окончилось сокрушительным поражением оппозиции на апрельском референдуме 93-го. И, разумеется, столь же позорным разжалованием вождя в рядовые. Уже на следующий день после референдума *День* разочарованно констатировал: «Сколько у нас было надежд на Русский национальный собор, на Фронт

национального спасения! Но – увы. Надежды не оправдались. Нерешительность, демагогия и соглашательство оказались присущи всем этим организациям... Громко отдекларировав национальное спасение, спасти народ не стали – увязли в словоблудии»⁶¹. Тот же Лимонов теперь страстно звал на баррикады: «Старые методы оппозиции не годятся. Ясно, что не помогут уже ни прения в парламенте, ни фронты, ни соборы... мы все умрем, без сомнения, если не поднимемся против своих врагов на национальную революцию»⁶².

Это было больше, чем разочарование в скомпрометировавших себя стратегиях. Это была пронзительная тоска по утраченной романтике баррикад, по высокой драме революционного действия, вытесненной скучными, усыпляющими парламентскими препирательствами «людей в жилетках», выдающих себя за оппозицию. В глазах мятежников эта «холодная война» выглядела вульгарной профанацией святого дела, той «жажды великой Реставрации, ради которой легко идти на смерть»⁶³.

Хуже того, это постыдное лицедейство лишь отвлекало «патриотические» массы от назревшей, по мнению авторов *Дня*, гражданской войны (она же «национальная революция», она же фашистский переворот), к развязыванию которой практически единодушно (за исключением разве что коммунистов) устремилась отныне оппозиция. Устремилась на этот раз ведомая оче-

⁶¹ День. 1993. № 27.

⁶² День. 1993. № 23.

⁶³ Там же.

редным кандидатом в русские Il Duce генералом Руцким, персонажем в глазах большинства скорее комическим и уж во всяком случае никак не пригодным на роль общепризнанного лидера.

Короче говоря, звала оппозиция «патриотические» массы на гражданскую войну, так и не обретя ни доверия большинства, ни, как мы скоро увидим, какой бы то ни было модели послевоенного, так сказать, обустройства России (если не считать, конечно, лимоновского проекта тотальной русификации страны), ни, самое главное, общепризнанного лидера. Как это ни странно, при таком обилии претендентов, не нашлось в рядах «патриотической» оппозиции ни одного, пригодного на роль русского Муссолини. Не успевал он появиться, как его «съедали» свои же.

Как бы то ни было, таковы были обстоятельства, при которых Верховный Совет единогласно (оппоненты, как мы уже говорили, покинули зал задолго до голосования) провозгласил президентом страны Руцкого и призвал армию «восстановить конституционный порядок».

Конец «национальной революции»

Само это обращение выглядело, согласитесь, образцом политической инфантильности. Ведь Верховный Совет был всего лишь советской пародией на парламент, по сути, воплощением СССР, отринутого большинством еще в 1991-м. Так какой, собственно, «конституционный порядок» призвал защищать Руцкой? Тот, советский, что декларировал фиктивное всевластие

советов и демонстративное отрицание разделения властей, или порядок новорожденной постсоветской России, у которой и не было еще никакой конституции, но которую представлял всенародно избранный президент? Выступить против президента в защиту советского по духу и происхождению учреждения означало практически идентифицировать себя с лозунгом «Назад в СССР!» Многие ли в оппозиции, за исключением Проханова и коммунистов, согласились бы с таким кощунством?

Едва ли удивительно поэтому, что никто, кроме толпы погромщиков во главе с откровенным черносотенцем генералом Макашовым да еще «коричневых», не откликнулся на призыв Руцкого.

Остальное, как мы уже говорили, мир видел 4 октября 1993 года по телевидению. Картина была удручающая. Понурой чередой тянулись, опустив головы, капитулировавшие «люди в жилетках» из обгоревшего и дурно пахнущего – там отключили канализацию – Белого дома (их «коричневая» гвардия, баркашовские чернорубашечники, ушли из него подвалами – через канализационные тоннели).

Так не состоялась в России «национальная революция»...

Время объясниться

До сих пор были примеры – совершенно конкретные и подробно документированные. С их помощью пытался я выяснить, почему невозможно в России ничего подобного тому, что

произошло в 1920-е в Италии и в 1930-е в Германии. Ведь тут и вправду парадокс.

Всё, казалось бы, что описывается термином «предвеймарская ситуация», в России было – и массовая ксенофобия, и уличная стрельба, и имперская ностальгия националистической интеллигенции, и пронзительная тоска по утраченной сверхдержавности, «фантомный наполеоновский комплекс», как назвал я его в трилогии⁶⁴. Все, короче говоря, что Вы так выразительно описали в начале нашего интервью.

Только вот главное, без чего не может быть и речи о фашистском перевороте, – русский Führer или на худой конец Il Duce не появлялся почему-то на сцене даже в самом разгаре «предвеймарской ситуации» (разве что метеором – на три месяца, как Стерлигов, на шесть, как Константинов, и не угрожь сам себя Руцкой, едва ли удержался бы он в этой роли и две недели). Не получалось, короче, в результате русского Веймара. Почему?

Мимоходом мы все это уже обсуждали. Но до объяснения дело толком не доходило. Да, претендентов «съедали» свои же. Но почему те же свои не «съели» в Италии Муссолини, в Германии Гитлера? Объяснение между тем бьет в глаза.

В конце концов общепризнанный лидер есть лишь функция общепринятой идеологии. Прав, тысячу раз прав был Николай Лысенко, которого я цитировал, что «нет и не может быть сильной организации без сильной и современной идеологии». Увы, беда «патриотической» оппозиции

⁶⁴ Янов А. Россия и Европа. 1462-1921.

состояла в том, что не только не было у нее такой идеологии, но и быть не могло. Мы уже видели, как разительно напоминала оппозиция лебедея, рака и щуку из басни Крылова. Но действительное объяснение этого лежит, кажется, глубже.

Похоже, Фукуяма был прав⁶⁵. Пусть частично. Пусть только в отношении Европы. По-видимому, и впрямь невозможно больше в Европе – после итальянской, германской и советской экспериментальных попыток изобрести действующую альтернативу демократическому миропорядку, попыток, каждая из которых завершилась национальной катастрофой – создать еще одну такую альтернативу. А ведь именно её, вспомним, эту альтернативу «интернациональному коммунизму и космополитической западной демократии» и пытались создать идеологи оппозиции.

Другое дело, упустил из виду Фукуяма, что мир уже давно вступил в постколониальную эру и встала на собственные ноги Азия, не имеющая европейского катастрофического опыта и не обретшая иммунитета к фашизму. Ничто поэтому не мешает Китаю, Ирану или Аль-Каиде, если ей удастся захватить власть где-нибудь в Пакистане или в Йемене, выдвинуть свои альтернативы демократическому миропорядку. В этих странах, в случае возникновения «предвеймарской ситуации», фашистский переворот, вероятно, возможен.

Но у нас-то речь о России, европейской, что бы о ней не говорили, стране. И поэтому, рас-

---

⁶⁵ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ «Ермак», 2004.

сматривая усилия идеологов «патриотической» оппозиции под углом зрения сегодняшней реальности, мы совершенно отчетливо видим, что ничем иным, кроме жалкой межеумочной «суверенной демократии» путинского режима⁶⁶, бесконечно далекой от их идеалов, завершиться эти усилия не могли.

Нет слов, они в ужасе отшатнулись бы от всякого, кто сказал бы им два десятилетия назад, что дело закончится таким, с позволения сказать, пшиком. Они мечтали о будущей России схожей по своим основным параметрам с чем-то вроде «италианского фашизма», говоря словами лидера дореволюционных черносотенцев Николая Маркова. Ирония, однако, в том, что не додумались они даже до «суверенной демократии». Вообще ни до чего, честно говоря, не додумались.

И самое главное, не могли додуматься. Не могли потому, что не было между ними согласия даже в самых фундаментальных вопросах, которые так и не удосужились решить национал-патриоты за все три десятилетия своей «предвеймарской» подготовки. Вот это и остается мне в заключение этого интервью показать.

«Русский путь»

Мог ли в самом деле быть серьезный разговор о «русском пути» и «национальной рево-

⁶⁶ Казанцев А. «Суверенная демократия»: структура и социально-политические функции концепции // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2007. Т. 4. № 1. <<http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/5Kazancev.pdf>>.

люции», если никак не могли «патриоты» договориться о том, что такое, собственно, русская нация? Должна она быть этнически чистой или, поскольку Россия, в отличие от Германии, страна все-таки многоэтническая, смешанной? А если смешанной, то с кем? Со славянами, с украинцами и белорусами, как объяснял (не спрашивая, впрочем, украинцев и белорусов) Александр Солженицын? Или, наоборот, с тюрками-мусульманами, как настойчиво проповедовали евразийцы (*День* даже специальную евразийскую полосу завел в каждом номере)?

А ведь без ответа на этот монументальный вопрос нельзя было договориться ни о «русском пути», ни даже просто о границах будущей, приснившейся «патриотическим» идеологам России. Это правда, что в границах, возникших в результате распада СССР, не мыслила её ни одна из фракций оппозиции (и по сей день, заметим в скобках, не мыслит). Вот крик души сегодняшнего националиста Павла Святенкова: «Наша страна всё еще является лишь окровавленным обрубком СССР»⁶⁷). Но отнюдь из этого не следовало, что согласны они были в том, где эти границы должны проходить.

Следовало ли стремиться к проекту Большой России, т.е. с Украиной и Белорусией, как настаивали Баркашов и Лысенко (вместе, разумеется, с Солженицыным)? Или к проекту Великой России в границах бывшего СССР, как полагали «красно-белый» Проханов и, конечно, коммунисты?

⁶⁷ Святенков П. Россия как антипроект // Агентство политических новостей. 2006. 21 мая. <<http://www.apn.ru/publications/article1855.htm>>.

Или еще шире, к присоединению всех территорий дореволюционной России, включая Польшу и Финляндию, а заодно и Ближний Восток, как требовал Владимир Жириновский? Или вообще должна стать Россия ядром и первоосновой «великого евразийского пространства» – от Дублина до Владивостока, как убеждал читателей Александр Дугин?

И какой должна она быть, эта новая «патриотическая» Россия – секулярной или православной? «Технотронной» или аграрной? Христианской или языческой? Представьте себе, что даже такой, пришедший, казалось бы, из далекого догосударственного прошлого страны вопрос, разрывал оппозицию на части. Вот пример:

Плечом к плечу с уже известным нам РНЕ Баркашова стояла Русская партия Корчагина. Смотрели они на вещи практически одинаково. Обе «коричневые». Обе ненавидели своих «красных» союзников (Баркашов даже искренне обижался, когда его называли «красно-коричневым»: «Мы просто коричневые без всякого красного оттенка»⁶⁸). Обе были уверены, что все беды России от евреев («сионистов»). Обе считали, что «террор советской власти был не классовым, а носил чисто расовый характер и преследовал цель уничтожения русского народа как носителя генотипа белой расы»⁶⁹. Во всем, в чем большинство в России винило коммунистов, а потом Чубайса, оба единодушно винули евреев. Более того, и коммунисты были для них,

⁶⁸ Интервью с Баркашовым.

⁶⁹ Там же.

собственно, евреями. Короче, не было у них разногласий ни в чем. Даже в том, что официальная православная церковь «стала прибежищем сатанизма»⁷⁰.

Что в таком случае, казалось бы, делить этим людям? Им-то почему было не показать пример всем остальным, насмерть переругавшимся между собою фракциям оппозиции, объединившись под общим «просто коричневым» знаменем? Не тут-то было, однако. Ибо Корчагин и его партия были язычниками, убежденными, что «христианство, проповедующее идею богоизбранности израильского народа, есть еврейская идеология». И предпочитали они поэтому «содействовать возрождению Русской веры, где под Богом понимается Природа»⁷¹. Ну что тут поделаешь, если Баркашов, наоборот, объявил себя православным фундаменталистом. Так и не состоялся «союз коричневых».

Фантасмагория «Памяти»

Да и только ли этот союз не состоялся? Вспомните хоть историю прогремевшего в конце 1980-х (и изрядно напугавшего публику) национально-патриотического фронта «Память». Могло показаться (и многим показалось), что в разгар Перестройки возродился вдруг недоброй памяти Союз русского народа. Историки, конечно, знали, что не прошло и нескольких лет по-

---

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Цит. по: Гельбрас В. Кто есть что: политическая Москва. С. 424.

сле создания этого Союза, как развалился он на части, каждая из которых рассматривала другие как отступников от подлинно «патриотического» дела, а значит как врагов Отечества. Но публика-то об этом не знала. Публика, как и сейчас, опасалась призрака.

«Память» ожидала участь, по сравнению с которым распад Союза русского народа должен был показаться игрушечным. Уже в начале 90-х существовало десять(!) «Памятей». Родоначальница их всех, предводительствуемая фотографом Дмитрием Васильевым, та самая, которой обязаны мы Александром Дугиным и Александром Баркашовым, очень скоро исключила из рядов обоих – за отступление от партийного символа веры «монархического фашизма», а затем и своих основателей братьев Поповых (за «национал-коммунизм»).

Васильев, как видим, был чистой воды черносотенцем, верным заветам своих дореволюционных пращуров. Что, впрочем, не помешало новому фронту «Память» во главе с Николаем Филимоновым исключить Васильева из рядов как «предателя». Это в свою очередь не удержало третий фронт «Память», возглавленный Александром Кулаковым, от исключения «за предательство» Филимонова.

И так это все продолжается и по сей день. Какая-то... надцатая «Память» существует и сейчас во главе с неким Георгием Боровиковым, о котором уже и вовсе никто не слышал. Боятся сегодня других национально-патриотических фронтов, таких, например, как Движение против нелегальной

иммиграции (ДПНИ) или «Русский Образ». И эти ведь тоже обвиняют друг друга в предательстве.

Можно ли сомневаться, что ждет их та же судьба, что и грозную некогда «Память». Нет, не приживается, как видим, в России «Союз русского народа». Не вытанцовывается у «патриотов» объединительная идеология. Не может у них явиться лидер, которого признали бы все партизанские командиры. Как не умели, так и не умеют они между собой договариваться. И как свидетельствует опыт обеих «предвеймарских ситуаций» XX века, никогда, похоже, не сумеют.

Вот так выглядит «веймарская» метафора, если присмотреться к ней поближе – в особенности с документами в руках. Я, как видите, присмотрелся. И стоит ли после этого удивляться, что я от своей метафоры отрекся?

Не стоит, наверное, удивляться и тому, что журнал *Сноб* наше с Е.Е. интервью печатать отказался...

Вопросы Александру Янову

Интервью Андрею Колесникову и Николаю Вардулю для «Новой газеты» 20 апреля 2011

1. Ваш трехтомник «Россия и Европа 1462 – 1921» производит впечатление альтернативной истории. В том смысле, что он заставляет по-новому взглянуть на исторический путь России и увидеть не только привычных ее персонажей, но и масштабные трагедии, которыми оборачивались многие их «победы», новых героев, которые прокладывали совсем иные, так и не пройденные или пройденные только наполовину маршруты. История становится многограннее, драматичнее и живее. Она врывается в сегодняшний день. Если можно, буквально в двух словах, скажите, чему должна научить история России?

Ответ: Спасибо на добром слове, но я бы не назвал то, что я делаю, альтернативной историей. Альтернативная история – это А.Т. Фоменко, Л.Н.Гумилев, это «Русская система» Ю.С. Пивоварова и А. И. Фурсова. Попахивает научной фантастикой. А я всего лишь предложил критерий для сравнения разных культур (я избегаю модного термина «цивилизации»: во множественном числе он тоже из арсенала альтернативной истории), в нашем случае России и Европы.

Критерий простой, практичный и общепонятный: ГАРАНТИИ ОТ ПРОИЗВОЛА ВЛАСТИ. В Европе они есть, у нас их нету. Почему так? Приходится обратиться к истории.

Если взять последние полтысячелетия (с начала русской государственности), оказывается, что в Европе они всю дорогу были, в Азии (включая ту самую Орду, что подчинила себе на два с лишним века Русь), их и в помине не было, в России иногда были, иногда не были. Вывод как будто бы напрашивается сам собою: Россия, пусть «испорченная», но Европа.

Испорченная Ордой. Испорченная идеологией «особого пути», которую – не все это знают – изобрели еще в XVI веке церковники-иосифляне (от имени их лидера Иосифа Волоцкого), чтобы уберечь свои гигантские земельные владения от европейской Реформации и отечественных нестяжателей. Испорченная своей величиной, которую так легко оказалось спутать с величием. И многим-многим другим, включая искореживший ее опыт советской империи.

Но при всем том она была и остается Европой.

Извините за длинное предисловие, просто без него я не мог бы ответить на Ваш вопрос в «двух словах», как Вы просили. Теперь могу. Отечественная история учит, что у России есть лишь одно будущее – европейское.

2. Для Вас красная нить в том, развивается ли Россия в общеевропейском русле или уклоняется от него в поисках «третьего Рима», державы славянского мира, «светлого коммунистического будущего всего человечества». Как Вы оцениваете риск того, что Россия снова может обратиться к изобретению очередного исторического велосипеда?

Ответ: В двух словах – возможно все. Но вероятность, я думаю, невелика, чтоб не сказать ничтожна...

Ну подумайте, четыре столетия бродила Россия по имперской пустыне. Результат Вы видите. 150 лет назад Герцен предсказал, что настанет день – и развалится «гниющая империя России». И тогда все вспомнят, как прав он был, защищая – один против всех – бунтовавшую против империи Польшу.

Пророчество сбылось, как все пророчества, лишь отчасти. О Герцене мало кто вспомнил, но империя и впрямь развалилась в один день. Развалилась без плана, без подготовки, как бы сама собою. Сгнила. Мыслимо после этого вернуть страну обратно в пустыню? А без империи, какой уж там «исторический велосипед»?

Но это лишь частный случай изживания исторической «порчи». Теперь, если Россия вообще переживет сегодняшнюю беспутницу, ее возвращение к европейским гарантиям лишь вопрос времени. К 2018 году? К 2024? К 2030?

Темп выздоровления зависит главным образом от того, как скоро сможет оппозиция убедить публику – и в стране и в мире, – что Россия способна изжить и остальную «порчу» так же, как изжила империю. В первую очередь идеологию – и ментальность – «особого пути». И, конечно, внятно объяснит, как ее можно изжить.

Замечательный опыт такого изживания «порчи» у нас есть. Всю первую половину XIX века интеллектуальная элита страны – одинаково и западники и славянофилы – бесстрашно была в

одну точку: Россия испорчена. Как писал Алексей Хомяков: «Покуда Россия остается страной рабовладельцев, у нее нет права на нравственное значение». И что Вы думаете? Пристыдили-таки даже такого заядлого противника отмены рабовладения, как Александр II.

Скажут, так то XIX век, тогда никто не боялся, что признание «порчи» унизит страну (не было еще комплекса неполноценности). Тогда была капитуляция в Крымской войне, наглядно доказавшая правоту оппозиции. Тогда, наконец, была такая вопиющая «порча», как порабощение соотечественников. А сейчас где ее взять?

Так вот же она, говорю я, бьет в глаза! Разве отсутствие гарантий от произвола в европейской стране менее постыдно в XXI веке, чем порабощение соотечественников в XIX? Что в таком случае мешает патриотам России (я, конечно, не о «профессиональных патриотах», порожденных комплексом неполноценности, как Михаил Лентьев или Максим Шевченко), так же объединиться вокруг изживания «порчи», как объединились их предшественники два столетия назад?

Но вот-то и заковыка. В отличие от предшественников, сегодняшняя интеллектуальная элита возглавить эту борьбу, увы, не готова. Большая ее часть, к серьезной национальной самокритике неспособна. Назовите это, если хотите, комплексом неполноценности, которого не было у предшественников. Во всяком случае изживанию «порчи» предпочитают они глубокомысленные рассуждения о том, почему «в России невозможно построение культуры по типу

западной». И удобный, согласитесь, прием для этого придумали: Россия, мол, просто «другая цивилизация».

До такой степени «другая», спросим мы, что исключает гарантии от произвола? Но нет у них на этот решающий вопрос ответа. Несмотря даже на то, что, как сказал один умный человек, если вас стукнут по лбу полицейской дубинкой, шишка у вас вскочит одинаковая – и на Западе, и на Востоке.

Не думайте, однако, что этот интеллектуальный саботаж, все эти «другие цивилизации» и «Русские системы», все вроде бы пустячные рассуждения об «ордынизации Руси» и «метафизическом характере Русской власти», так уж безобидны. На самом деле они обезглавили сегодняшнюю оппозицию. Исторический опыт говорит, что наиболее вероятный шанс победить имеет в России оппозиция, если возглавит ее интеллектуальная элита страны. В противном случае оппозиция бродит впотьмах.

Похоже, что, избавившись от империи, получили мы взамен другую, на этот раз интеллектуальную «порчу», серьезно замедляющую темп выздоровления страны.

Усугубляется все тем, что оппозиция, с головой погруженная в повседневную суету текущей политики, этой «порчи» не замечает, не знает, что обезглавлена, не понимает даже, о чем речь. И в результате не имеет представления, как реагировать, когда такой безупречный демократ, как Ю.Н. Афанасьев заявляет вдруг «Русская система – и точка». Или такой безупречный либерал,

как Ю.С. Пивоваров, объясняет: «Надеяться на то, что Россия когда-нибудь станет нормальной европейской страной, невозможно».

Я, однако, надеюсь. В первую очередь на то, что не иссякли еще в интеллектуальной России чаадаевские пороховницы, и услышит она, наконец, совет одного из самых пронизательных своих предшественников: «Наверное, нам нельзя будет долго оставаться в нашем одиночестве... Это ставит всю нашу будущую судьбу в зависимость от судеб европейского сообщества. Поэтому чем больше мы будем стараться слиться с ним, тем лучше это будет для нас». 1829 год. А нам все еще невдомек.

3. Вы – один из ведущих исследователей русского национализма. В чем его опасность для сегодняшней России? Что опаснее – «имперскость» или национализм? «Вырождается» ли русский национализм, пользуясь терминологией Вашей работы о славянофилах? Каковы перспективы национализма в нашей стране – превращение в квазиреспектабельную идеологию власти или открытый массовый фашизм?

Ответ: Тут четыре трудных вопроса сразу. Ответить на некоторые из них придется поэтому односложно.

А) Угроза все в том же, в до сих пор не преодоленном иосифлянстве, в идеологии «особого пути России».

Б) Опаснее имитация «имперскости», опирающаяся на эту идеологию.

В) Вырождается русский национализм всегда, но в каждую историческую эпоху по-разному. После Крымской войны, допустим, главным мотивом в нем стала ностальгия по утраченной сверхдержавности («фантомный наполеоновский комплекс», как назвал я ее в трилогии), благодаря чему и ввязалась Россия в совершенно ненужную ей мировую войну. Со всеми вытекавшими из этого последствиями, включая большевистскую революцию.

Сегодня – понятно почему – этот мотив звучит глуше (хотя все еще звучит, отсюда остаточный культ Сталина и телевизионные победы Кургунина). Но преобладающий мотив – все-таки «особый путь» (на чью мельницу и льют воду сегодняшние «альтернативщики»).

Г) Думаю, ни то, ни другое (если, конечно, не считать суверенную демократию «респектабельной идеологией»). Фашизм, как выяснилось в 1905-1917 и снова в 1989-1993, в России не приживается. Если у моего издателя хватит духу опубликовать, как он намеревался, отдельным изданием посвященное этому эссе «История одного отречения. Почему в России не будет фашизма», едва ли у кого-нибудь останутся в этом сомнения.

4. Вы – специалист по истории русской оппозиции. Чему учит эта история – с учетом обстоятельств сегодняшнего дня?

Ответ: Либеральная оппозиция существует в России с самого начала ее государственности.

За пять столетий она создала семь полноформатных конституций, начиная с конституции Михаила Салтыкова (1610) и кончая ельцинской (1993), провела две Великие реформы (в XVI веке и в XIX) и наделала кучу кардинальных ошибок.

Она не сумела ни остановить наступление крепостничества в XV – XVI веках, хотя доблестно боролась против него на протяжении четырех поколений, ни учредить в XVII – XIX веках, когда еще не было поздно, конституционную монархию в России. Хотя пыталась не раз.

Причин много, но главная, похоже в том, что либеральные реформаторы никогда не могли найти общего языка МЕЖДУ СОБОЮ. «Молодые реформаторы» XVI века не доверяли нестяжателям, либеральная шляхта XVIII-го не доверяла верховникам, новые «молодые реформаторы» XIX-го не доверяли сторонникам конституционной монархии, «Яблоко» не доверяет «Правому делу».

В результате в позиции «третьего радующегося», естественно, оказывались ретрограды – и либеральная оппозиция НИ РАЗУ не одержала полноценной победы. Казалось бы, сегодняшние реформаторы должны были выучить ошибки предшественников наизусть, как верующие Библию, хотя бы просто для того, чтобы не повторять их. Увы, они не только понятия о них не имеют, но и о самом существовании предшественников не ведают.

Опять ведь альтернативщики со своей «ордынизацией Руси» постарались, внушили людям мантру, что позади у них «тысячелетнее рабство», вот они ее и повторяют. Не думая даже об

очевидном: если позади у нас одно беспросветное рабство, то откуда же возьмется свобода, за которую вы ратуете? Возражают: в XXI веке без свободы никак. Так ведь и в Китае он XXI, а свободы там и на горизонте не видно.

И вот беда, не находится никого, кого бы услышали и кто объяснил бы оппозиции, что Россия не Китай, что у нее богатейшая либеральная традиция и десятки невоспетых героев (куда больше, кстати, чем ретроградов, которых мог припомнить в своем Манифесте Никита Михалков). И лишь стоя на плечах этих героев, могла бы оппозиция убедить публику, что впереди у нас и впрямь свобода.

Но для этого оппозиции нужно знать собственную историю. Знать то, что знал Герцен. Послушайте его. «Долгое рабство – не случайная вещь, оно, конечно, соответствует какому-нибудь элементу национального характера. Этот элемент может быть поглощен, побежден другими элементами, но он способен и победить».

Можно ли яснее сказать, что есть в России и «другие элементы», способные победить традицию долгого рабства? Но ведь это же просто другое название оппозиции. Доказательство? Ее история. Послушались бы нестяжателей – и не было бы в России четырехвекового крепостничества. Послушались бы вовремя сторонников конституционной монархии – и не было бы никакой большевистской революции. И Сталина бы не было. И некого было бы сегодня воспевать Кургиняну.

Вот чему **МОГЛА БЫ** учить история оппозиции. Если бы мы ее знали...

5. *Вы пишете, что главное в модернизации – движение от произвола к свободе. Оцените в этих параметрах модернизации по Петру Первому и по Сталину. Что главное в модернизации по Медведеву?*

Ответ: Опять два вопроса в одном. Отвечу по порядку.

А) Вы, боюсь, упустили одно обязательное условие этого главного движения – открытость миру. В нем и разница между Петром и Сталиным. Петр принял Россию после «темных веков» Московии, противопоставившей себя миру и отставшей от него, казалось, навсегда, – и вернул ее в Европу. Сталин принял относительно открытую страну и «затворил ее аки во адовой твердыне», говоря словами Андрея Курбского. Оба были тиранами и самодержцами, но после Петра могли родиться Пушкин и Толстой, а после Сталина – нет.

Б) Конечно, Медведев лучше, чем Немедведев, как сказал один остряк. Сказать о нем что-либо более определенное пока трудно.

6. *В современной России неразвитость демократии, ее суверенные суррогаты принято оправдывать «историческими традициями». Историческая традиция предстает главным уроком истории. Но ведь в истории есть разные традиции. Разве не задача историка и политика – уметь выбрать те традиции, которые ведут в будущее, а не оставляют в прошлом? Если так, то как бы Вы переформатировали матрицу исторических традиций России?*

Ответ: Сурков сказал и не где-нибудь, а в Академии наук, что «культура – это судьба». И никто почему-то не спросил (в Академии наук!), что, собственно, имеет он в виду под культурой? Традицию, вспомним Герцена, долгого рабства или «другие элементы», способные ее победить? Из моих ответов, думаю, ясно, что я на стороне «других элементов». Сурков, боюсь, на противоположной.

7. Одна из Ваших книг, вышедших на Западе, называется «Русский вызов и 2000 год». А в чем, по Вашему мнению, состоит «русский вызов» образца 2012 года?

Ответ: Покуда большинство опрошенных в России на стороне Каддафи, единого фронта Цивилизации (в единственном числе и с заглавной буквы) против варварства в мире не будет. В этом смысле «русский вызов» остается сегодня тем же, каким он был в 2000 году.

Нужна ли Ходорковскому история?

*Интервью Елене Егеревой для журнала Сноб
18 апреля 2011*

Профессор Александр Янов – самый известный историк, занимающийся исследованием оппозиционных движений в России, и один из признанных авторитетов в изучении русского национализма. Западные ученые называли его труды эпохальными. Янов преподавал в университете Беркли, Мичиганском университете, Нью-Йоркском городском университете. В середине восьмидесятых он первым заговорил в США о феномене Горбачева, а его книга о фашизации России «После Ельцина. Веймарская Россия» в девяностые годы дала название целому направлению в исторической науке на Западе. С 2007 по 2009 год был опубликован его капитальный труд – трехтомник «Россия и Европа 1462-1921».

Вы согласны с высказыванием Теккеря: «Никто не может быть уверен в том, что он не сноб. Такая высокомерная уверенность сама по себе уже снобизм»?

Александр Янов: Знаете, в детстве в эвакуации я голодал. Но даже тогда, голодным несмысленным, я помню, понимал, что есть нечто страшнее голода, и это потерять себя в толпе. Стать как все. Недавно я потерял жену, кого-то, с кем я прожил 54 года и кто стала мне одновременно и Музой и матерью. И что же? Осиротев на старости лет, я по-прежнему боюсь все того же: в одиночестве потерять себя в толпе. Если это снобизм, я сноб.

Вы занимаетесь историей оппозиции в России. Как вы думаете, мог бы Ходорковский стать лидером оппозиции? Если да, то чего ему не хватает, на ваш взгляд?

А.Я.: Уверен, мог бы. Не хватает ему – и это я говорю вам как историк оппозиции с сорокалетним стажем – двух вещей. Во-первых, конечно, свободы. Во-вторых, не подумайте, что я помешан на истории, но – серьезного исторического образования. Ходорковский, безусловно, харизматик и блестящий оратор, но без специальных знаний он бродит, как во тьме. Он не сможет, например, ответить на элементарный вопрос, который ему непременно будут задавать: а не является ли либеральная оппозиция чуждым для России образованием? В России это вопрос первостепенно важный. Всегда был. Только благодаря своему знанию истории смог, допустим, Вассиан Патрикеев (публицист XVI века, приверженец течения нестяжателей, выступавших против церковного стяжания и порабощения крестьян. – *Прим. ред.*) побить в споре такого грозного противника, как Иосиф Волоцкий (основатель Волоколамского монастыря, церковный писатель и полемист, ярый противник нестяжателей. – *Прим. ред.*). Вассиан, как известно, считал, что церковь должна быть пастырем народным, а не частно-хозяйственной корпорцией. А для Иосифа землевладение церкви было основой ее могущества. Ходорковский, к сожалению, на сегодняшний момент не смог бы побить в споре не только патриарха Кирилла, но даже такого ничтожного мыслителя, как Глеб Павловский.

Многие вам действительно на это скажут, что вы переоцениваете роль исторических знаний в полемике с режимом.

А.Я.: Но посмотрите на Украину – вот прекрасный пример. У них оппозиция тоже была ничтожной. Но она сумела мобилизовать в свою пользу историю, и история сделала ее реальной силой. Во всяком случае сегодня никто не скажет, что украинская оппозиция маргинальна.

Каким образом это удалось Украине?

А.Я.: Я понятия об этом не имел, а они вспомнили о Конституции Пилипа Орлика. Была такая, оказывается, конституция, принятая после Полтавской битвы. Что она доказывает? Что Украина была либеральной страной еще в XVIII веке, или, по крайней мере, к этому стремилась: «Мы – не деспотическая Московия!» Между тем еще за столетия до этой Конституции Орлика в Москве тоже была конституция Михаила Салтыкова, но кто у нас об этом знает? Украинские историки раскопали документы и сумели, благодаря этому, вдохновить молодежь. Политикам оставалось лишь вывести ее на майдан. Ни белорусская, ни российская оппозиция ни о чем подобном и не думали, Результаты Вы видите.

Какое из недавних событий в русской политике вам показалось самым значимым – помимо суда над Ходорковским?

А.Я.: Голосование в Совете безопасности ООН, во время которого Россия наложила вето на решение по поводу Кот-д'Ивуара. Президент Кот-д'Ивуара баллотировался на следующий срок, но получил меньшинство, и его не переизбрали. Он отменил результаты этих выборов. Начался конфликт, лилась кровь. СБ решил, что следует остановить кровопролитие. А Россия наложила вето, потому что международное сообщество не имеет-де права вмешиваться во внутренние дела государства – даже такого, где нелегитимный президент убивает соотечественников. Это вроде бы незначительное событие мне показалось знаменательным. Что это? Предвидение того, что нечто подобное может случиться и в России?

Нью-йоркцы и европейцы часто спрашивают своих русских знакомых: как так получается? Наши русские друзья – все сплошь симпатичные люди. И вот есть они, и есть Россия, страна с кошмарной репутацией. Чем вы можете это объяснить?

А.Я.: Но ведь то же самое и с китайцами. В Америке, да и на Тайване или в Гонконге, они чувствуют себя свободными людьми. В метрополии – нет. Почему? Спросите китайских историков.

А в России что это за ловушка?

А.Я.: Неспособность отказаться от имперского мышления, от идеологии – и ментальности –

«особого пути». Признать, наконец, очевидное: Россия больше не сверхдержава. И мы из этой ловушки прошлого не вырвемся, пока не найдется русский Ататюрк (Мустафа Кемаль Ататюрк, первый президент Турецкой Республики; сформулированная им идеология, включающая в себя «республиканизм», «реформизм» и «атеизм», до сих пор считается официальной идеологией Турции – *прим. ред.*). Оттоманская империя, когда-то могущественная сверхдержава, перед которой трепетала Европа, целое столетие деградировала, точно так же, как сейчас Россия. Медведев, к слову, сказал, что это застой (Медведев говорил об этом в своем видеоблоге на сайте Кремля в ноябре 2010 года – *прим. ред.*) Нет, это не застой, это оттоманская болезнь – деградация. Излечить ее мог бы только, как мы знаем из опыта, лидер, раз и навсегда отказавшийся от сверхдержавных претензий, от имперского высокомерия, от претензий «особого пути», вспомнивший завет Чаадаева: наша судьба зависит от судеб Европейского сообщества. Такой как Ататюрк. Другое дело, что он установил жесточайшую военную диктатуру – иначе не мог справиться с исламской и имперской оппозицией. Несколькими десятилетиями диктатуры Турция заплатила за трансформацию. Зато теперь страна процветает. Сможем мы найти аналог Ататюрка, но без военной диктатуры, европейского Ататюрка? Если Вы спросите, кто, я скажу Ходорковский. А Вы спрашиваете, зачем ему история....

Рассказывают, что вас Джордж Сорос когда-то назвал гением. Что это за история?

А.Я.: Я встретился с ним в 1990 году накануне страшной реформы – либерализации цен, цены тогда должны были взлететь в стратосферу. И рассказал ему о своем плане. Я рассчитывал на таких людей, как Маргарэт Тэтчер в Англии, Рокфеллер в Нью-Йорке, и дюжину других – на отставных, но еще энергичных людей, которым уже ничего не светит на национальной политической арене. Но ведь есть и арена международная, где их энергия еще могла быть востребована. Я говорю: так почему бы их не мобилизовать на помощь России? Почему не образовать какой-нибудь Совет взаимодействия? Они больше не у власти, но связи у них остались. В Америке и Европе гигантские продовольственные излишки. А что если всеми этими товарами, в тот момент, когда начнется в России бешеная инфляция, забить рынок по самым дешевым ценам? Я, одним словом, предложил «план Маршалла для России». Сорос сказал: «Вам кто-нибудь говорил, что вы гений?» И добавил: «Вы гений, потому что думаете точно так же, как я. Это я должен был придумать такое». Ведь не только о товарах шла речь. Речь шла о самом в тот момент важном, о том, чтобы предотвратить грозную постимперскую травму и жесткое отчуждение большинства от реформы – и от Запада, продолжающееся и до сего дня. Вот зачем нужна была Тэтчер. Массы западных товаров и продовольствия по бросовым ценам, предназначенные заглушить гал-

лопирующую инфляцию, были лишь начальной фазой этого плана. Если бы только чиновники в Москве думали о будущем... Я ведь встречался с Ельциным по этому поводу.

И что это был за разговор?

А.Я.: Я вышел от него окрыленный. Ввел меня к Ельцину референт Илюшин. У вас есть 30 минут, говорит, Борис Николаевич должен открывать Верховный совет. И не давайте ему рта открыть – берите быка за рога. Так я и сделал. Тут Ельцин поднял обе руки: «Сдаюсь! Куда вы с этим торопитесь? Мне было интересно с вами встретиться, потому что вы историк России. А вы мне про цены. Вы мне лучше расскажите, каким образом мы опять оказались в такой жопе». Я говорю: Борис Николаевич, ну у меня же всего полчаса, я не могу... Кто вам сказал? Илюшин. Ой, плюньте на него, что там – кто-нибудь другой не откроет Верховный совет? А вы идите сюда за журнальный столик. В результате я прочел Ельцину экспромтом лекцию по русской истории. Про мой план с Советом взаимодействия он сказал: прекрасная идея, я вам дам мандат – вы будете моим представителем в Америке. Идите к Лукину – он был тогда председателем комитета по международным делам – он все организует. В результате я встречался в Америке с Макнамарой, с Рокфеллером. Уговорил их стать членами инициативной группы. Рокфеллер послал в комитет телеграмму, что он проездом будет в Москве такого-то числа и готов встретиться с

представителями инициативной группы. Но ему никто ничего не ответил. Вы можете себе представить? Ему просто не ответили.

Почему так получилось?

А.Я.: Просто потому, что некому было ответить. Меня в Москве не было, а руководители Комитета по международным делам, вопреки инструкциям Ельцина, не назначили никого, кто нес бы ответственность за дела Совета взаимодействия. Личное это было или что-то еще, могу лишь гадать. Но думаю, что если бы и ответили – все равно ничего бы не вышло. Чиновники просто умыли руки. Их судьба Совета не интересовала.

Как вы попали в Америку?

А.Я.: В 1974 году меня вызвали на конспиративную квартиру рядом с Лубянской. Говорят: вот есть журнал «Молодой коммунист». Это же очень скучный журнал, его серьезные люди не читают. Мы, например, не читаем. Но наши люди, когда проводят у разных диссидентов обыски – знаете, приходится это делать, – то находят «Молодой коммунист», второй номер за 1974 год. Как вы думаете, почему? А у меня в этом номере вышла статья о Герцене. Суть ее сводилась к тому, что если бы Герцен не эмигрировал, у нас не было бы Герцена. Его сделала тем, кем он стал, эмиграция. Я сказал, что если диссиденты теперь читают «Молодой коммунист» из-за меня, то я считаю, что сослужил их режиму хорошую службу.

бу. Они заговорили тогда по-другому: вы можете поехать в одном из двух направлений – на Восток или на Запад, это ваш выбор. Документы мы все вам оформим, справки все соберем, про это можете не беспокоиться. Идите, пожалуйста, и посоветуйтесь с женой.

Такое впечатление, что вы не в КГБ были, а в бюро путешествий...

А.Я.: Да, все было исключительно вежливо. Но мотивов КГБ я знать, конечно, не могу. Могу лишь предполагать. Еще не отгремел международный скандал с высылкой Солженицына. Это же был 1974 год. Второй скандал подряд в такой ситуации – это уж слишком. Моя рукопись – история оппозиции в России – уже была в Америке. Следователи даже сказали мне, кто именно ее переправил. Расчет был простой. Окажись я тихо-мирно, без громкого скандала, в Америке вслед за своей рукописью, она тотчас перестанет интересовать публику. Расчет оказался верный. Рукопись была опубликована лишь семь лет спустя. И хотя отклик был громадный, всемирный, но чисто академический. Никакой политики, никакого скандала. В КГБ мне сказали: в этом самом кабинете, даже в этом самом кресле, в котором вы сейчас сидите, сидел ваш друг Андрей Амальрик (1938-1980, диссидент, писатель, публицист, среди прочего – автор книги “Просуществует ли Советский Союз до 1984 года”, в которой предсказал распад СССР. – *Прим. ред.*). Так вот, мы ему задали точно такой же вопрос: восток или за-

пад? Он нам сказал: я родился в Москве, и здесь я умру. За этот миг мужества он заплатил – вы же слушаете Би-Би-Си, и знаете, что он сейчас в Магадане и умирает там от менингита, и он там умрет. И так две недели они нам продыху не давали: звонили, спрашивали, что мы решили. В результате мы решили ехать на Запад.

У вас был какой-то план – что вы будете делать в Америке?

А.Я.: Я уже в Риме на полдороге в Америку получил приглашение от Техасского университета. Я должен был преподавать на факультете славистики – аспирантам, изучающим русский. Предполагалось, что это будет маленькая комнатка и дюжина людей. А оказалось, столько слушателей набилось, что понадобился огромный зал: все, кто понимал в Остине (это столица Техаса) по русски, там были. Весь тот семестр я им рассказывал про свою жизнь, про свои 44 года в СССР. Потом меня пригласили в Беркли. Но я по-прежнему не знал, как преподавать, и должен был сам придумать свой метод. Тогда я разделил класс на две команды. Предмет назывался советско-американские отношения. Я им давал два учебника. Один стандартный американский – по внешней политике США. А другой советский, написанный Громыко и Пономаревым. Я им сказал: все, что вы прочтете в этих книжках – чепуха, каждая из сторон говорит свое. Поэтому одна команда будет отстаивать советскую точку зрения, а другая американскую. А потом вы поменяетесь места-

ми, посмотрим, как вы будете спорить против собственных аргументов. А судить, кто победил, буду не я. Будет класс. В результате в мои классы нужно было записываться за много месяцев.

Какое ваше главное достижение в Америке?

То, что я выжил. И не только выжил, а сделал академическую карьеру: начав инструктором, закончил полным профессором. И успел при этом опубликовать двадцать книг. Эти ребята, которые меня выдворяли, рассчитывали на то, что языка я не знаю, преподавать не умею, и вообще никакой пригодной в Америке специальности у меня нет. Они думали, что я превращусь в очередного нищего иммигранта, живущего на подачки государства. Только они плохо рассчитали. Но в СССР у меня был героический дух, условно говоря была романтика борьбы. Был могучий и коварный противник, которого нужно одолеть. Здесь была проза, так, житейские трудности.

**Александр Янов:
«Среди моих почитателей
нет историков»**

*Для Института современной России (<http://imrussia.org/>Диалоги с Александром Яновым).
20 июня 2011*

О своих взглядах на политическую историю России и на особенности ее национальной культуры выдающийся историк Александр Янов рассказал в эксклюзивном интервью Катерине Инноченце.

Катерина Инноченце: Александр Львович, а когда в Вашу жизни вошла история? И как? Расскажите.

Александр Янов: Скажу сразу: вопроса о том как выбирать будущую профессию для меня не существовало. Меня интересовала только история. Ради нее я и в школе старался золотую медаль получить – и получил, – чтобы иметь право выбрать именно исторический факультет в университете. А вот когда конкретно история вошла в мою жизнь, я даже не могу вам сказать. Сколько себя помню, столько я жил историей. Еще с детского сада, наверное. Видимо – судьба. Про Александра Македонского читал еще в первом классе».

Замолкает; отхлебывает кофе, словно припоминая детали.

– Я жил в мире Александра, ходил с ним в Индию, в Персию, воображал себя в македон-

ских фалангах. Для кого-то это была стародавняя история, хлам, для меня же – реальность. И еще мне казалось, что вся эта древняя военная романтика может девочкам понравиться. Ну а мне, конечно, хотелось им нравится». Улыбается.

А улыбается Александр Львович широко и обаятельно, совсем как молодой человек. И вообще, общаясь с ним, забываешь про его возраст. И про свой – тоже, вернее, про нашу с ним разницу в возрасте. Забываешь потому, что каким-то непонятным образом появляется ощущение общения на равных. И не потому, конечно, что я мудрая и эрудированная, а потому, что Александр Львович для своих восьмидесяти лет – удивительно современный человек. Гораздо более современный, чем, скажем, мои родители. И то, что он мыслит исключительно современными понятиями и темпами, просто околдовывает.

– Моей настольной книгой в детстве была книга про Пуническую войну, про поход Ганнибала на Рим. Книга была старинная, дореволюционная. Вернее, это был кусок книги – без обложки, без начала, без конца. Нашел ее где-то на чердаке у бабушки. До сих пор понятия не имею, кто автор. Но интересно было очень – захватывающе.

К.И.: Как и почему Вам в первый раз пришла в голову мысль о том, что Россия – «испорченная» Европа?

А.Я.: Первые сомнения в том, что с идеологией русской дореволюционной историографии что-

то было неладно, начались у меня еще в университете. У меня были хорошие профессора, они задавали много домашнего чтения, и я добросовестно все это читал. Очень много читал русских историков. Историки в России – какой восторг! *Crème de la crème* интеллектуального сообщества. Ключевский [замечательный русский историк, 1841-1911 – *К.И.*] был Пушкиным русской историографии. Умнейшие люди... и так оскандалились! И так ничего не поняли... Россия для них была «запоздалой» Европой: еще шаг – и мы там. То, что Россия может развернуться на 180 градусов, как случилось в 17-ом году, им и в голову не приходило. А вот Константин Леонтьев предсказал именно это.

Тогда, в университете, я еще не мог сформулировать эту мысль даже для себя. «Мои боги, мои педагоги», – как сказал Борис Слуцкий. Такие талантливые, такие любимые, разве могли они так чудовищно ошибиться? Не заметить Леонтьева?

Свою диссертацию, защищенную в 1970 году, Янов посвятил русскому мыслителю и историку Константину Николаевичу Леонтьеву (1831-1891), который оказался единственным человеком, точно предсказавшим путь России в XX веке. А Янов был первым, кто произнес в советской печати это запретное имя.

К.И.: Кто же такой Леонтьев?

А.Я.: Леонтьев считал Россию новой Византией. Считал, что мы – византийцы. Был уверен, что Россия выберет социализм. Конечно, социализм

был для него новым рабством, но это как раз ему и импонировало. «Россию, – говорил он, – надо подморозить, чтобы она не гнила». Удивительно ли, что его имя было в СССР запретным на протяжении десятилетий?! Ведь именно Леонтьев объяснил, почему социализм в России не может быть ничем, кроме рабства. Могло ли это понравиться советским вождям? Чужая кошка, чье мясо съела.

Прищуривается.

– Ясное дело, я не разделяю взглядов Леонтьева. Более того, они мне отвратительны. А вот судьба его меня занимает. Сами посудите: человек всю свою жизнь прожил маргиналом, а после смерти вдруг оказался пророком. Конечно, в ретроградных кругах он и при жизни был заметным человеком, у него были поклонники и почитатели. Но для тех, кто принимал в России решения, он остался никем. Его влияние на современную ему политику было равно нулю. Говоря сегодняшним жаргоном, Леонтьев был брендом, но нераскрученным. Так и умер нераскрученным. Знал это и страшно по этому поводу переживал.

Янов так эмоционально рассказывает о судьбе Леонтьева, что у меня зарождается сомнение...

К.И.: Александр Львович, а Вы случайно не проводите параллель между судьбой Леонтьева и Вашей собственной судьбой в российской историографии?

А.Я.: Провожу: моя судьба в этом смысле повторяет судьбу Леонтьева. У меня такое ощущение уже давно сложилось.

К.И.: Но Александр Львович, помилуйте, Вы же просто не имеете права считать себя нераскрученным брендом! Или маргиналом. Ведь Вы прошли в США всю академическую лестницу, от инструктора до полного профессора. Преподавали в отличном Техасском университете в Остине, потом – в еще более престижных университетах в Беркли и Анн-Арборе, в котором преподавал Бродский! Были профессором политических наук в аспирантуре Нью-Йоркского городского университета. Опубликовали более тысячи статей в международной прессе, двадцать книг, переведенные на многие языки, вплоть до японского! Похоже это на судьбу маргинала?

А.Я.: Но ведь я говорю о другом: о признании в своей области в своей собственной стране. В этом и есть общее в моей судьбе с Леонтьевым. Посмотрите на исторические журналы, которые сегодня печатаются в России. Загляните в это историческое гетто, Вы не найдете там упоминания моего имени, моих работ. Во времена Леонтьева все, конечно, было иначе: в гетто историков заперли только в СССР. Они там писали – и пишут! – друг для друга. До революции Ключевский, к примеру, опубликовал свою докторскую диссертацию «Боярская дума Древней Руси» в «Русской мысли», в популярном журнале с огромным тиражом. Можете вы представить

себе современного редактора, который бы напечатал сегодня диссертацию о Древней Руси в двадцати номерах популярного журнала?

Александр Львович венчает свой риторический вопрос многозначительной паузой и продолжает:

– Я не культуролог, не социолог, не экономист. Я – историк. И всю академическую лестницу я прошел в Америке – в чужой стране. Моя книга «После Ельцина. Веймарская Россия» положила начало целой отрасли знания – на Западе. Но в России, в кругах историков, пусть и геттовских, я – по-прежнему никто. Как Леонтьев, если хотите.

Я не сдаюсь, настаиваю:

К.И.: Но ведь в России совсем недавно опубликовали Ваш капитальный труд «Россия и Европа 1462-1921». Целый трехтомник опубликовали, итого 2000 страниц, это же не шутки?

А.Я.: Но Катерина, у Леонтьева даже собрание сочинений опубликовали! Правда, в 1911 году – к двадцатилетию смерти автора. А историки его все равно не заметили. И со мной – то же самое: на мою трилогию не было ни одной официальной рецензии. Из всех российских историков ее не проигнорировал только один человек.

Достаёт книгу и показывает мне отзыв Андрея Анатольевича Левандовского, доктора исторических наук.

Александр Янов, пожалуй, впервые попытался представить свободу как равноценную альтернативу деспотизму в России, впервые с поразительной энергией и целеустремленностью занялся поисками ее проявлений на самых разных этапах русской истории. О результатах можно спорить. Но поиск этот самоценен, он производит очень сильное впечатление.

Разговаривать с Яновым очень интересно, а вот проводить интервью – совсем не просто. От разговоров о самом Александре Львовиче мы все время СБИВАЕМСЯ на разговоры непосредственно об истории. Рассказывать о себе ему не очень интересно. То ли дело – о Петре, Александре II, о Конституции Михаила Салтыкова... О них Янов говорил бы часами. Но я прерываю его, чтобы задать вопрос об очень насущном настоящем:

К.И.: Александр Львович, как Вы прокомментируете последние события? То, что Путин предложил создать общенародный фронт?

А.Я.: В советское время это уже было – союз коммунистов и беспартийных. Путин будет отныне не только лидером прявящей партии, но и Вождем Державы, а это, согласитесь, совсем другой калибр. Это настолько прозрачно, что просто невозможно интерпретировать неправильно: человек рвется к власти. Но в самом определении общенародного фронта – несколько абсурдных вещей сразу. Когда в 30-е годы во Франции был народный фронт, это был фронт против фашизма. Он не мог называться общепольским, ведь в стране были и фашисты. В СССР, вернее в отдельных республиках – напри-

мер, в прибалтийских – это вспомнили, когда началась перестройка. Те новые народные фронты создавались для борьбы против коммунистов. Спрашивается: против кого будет направлен путинский фронт?

К.И.: Ответ напрашивается сам собой: против врагов народа.

А.Я.: Правильно. Путин пытается перед выборами положить конец всем либеральным ожиданиям последнего времени. Распустили языки, понимаешь. Забудьте! У страны есть Вождь. Авторитарный карлик пытается подражать тоталитарному гиганту-Сталину.

Снова отхлебывает кофе и неожиданно добавляет:

– А ведь Путин не может простить Саакашвили именно этого! Что он – Лилипутин.

Смеется.

К.И.: Вернемся к Вашей теории: с тех пор как Вы работаете над концепцией о том, что Россия – «испорченная» Европа, изменилась ли как-то сама концепция?

А.Я.: Вначале я сомневался. Не был уверен даже в правильности самой концепции, ведь в истории все должно подтверждаться фактами, а из одного случая [имеется в виду кардиналь-

ный поворот жаждущей либерализма России в сторону построения социализма, – К.И.] нельзя делать далеко идущие выводы. И тут, в начале 2000-х годов, мы увидели то, что однажды уже произошло в нашей истории. Это, конечно, несопоставимо с поворотом 1917-го года: это скорее фарс, чем трагедия. Но все-таки это несомненный поворот к Европе задом. Вот я и получил необходимое моей теории подтверждение: Россия, начиная с 1987 года, то есть в перестроечно-ельцинский период, снова стала выглядеть как «запоздалая» Европа. Вспомните, какие были надежды! А потом страна вдруг резко развернулась в обратную сторону.

Не могло больше быть сомнений, что это уже не случайность. Тогда, после 2003 года, у меня и созрела – уже окончательно – концепция России, как «испорченной» Европы. В 2003 году арестовали Ходорковского, а Волошин и Илларионов ушли в отставку. Была предпринята целая серия мер, очевидно направленных на создание монополии исполнительной власти. Причем это были совершенно нескрываемые, открытые меры: порог для попадания новых партий в законодательные органы сделали непроходимым – с 5% его подняли до 7%. Запретили баллотирование независимых кандидатов. Запретили коалиции между партиями. Было фактически отменено разделение властей. Формально, конечно, существует Дума, но она не имеет ни малейшего практического значения. То есть в политическом смысле Думы не существует. А разделения судебной и исполнительной власти, его по сути

никогда и не было... Не заметить всех этих перемен было невозможно. Надо было делать теоретические выводы. Я их сделал.

К.И.: Как Вы считаете, кто мог бы сейчас стать лидером оппозиции?

А.Я.: Ходорковский мог бы стать лидером оппозиции прямо сейчас – еще до того, как выйдет на свободу. И это было бы очень символично. Оперативно он руководить оппозицией из тюрьмы, конечно, не может, это совершенно очевидно. Но это и не нужно – тут важно его имя, которое уже стало символом противостояния режиму Путина. Такого авторитета, как у Ходорковского, ни у кого больше нет.

Путин однажды сказал, что самой страшной геополитической катастрофой двадцатого века был распад СССР. И у меня есть предположение, что большинство населения России с ним согласны. Это взгляд провинциала. Хотя бы потому, что с точки зрения мира в целом распад СССР был самым желанным событием. Для Путина распад СССР был катастрофой – за ним последовали 90-е с их либеральным хаосом. С точки зрения одних 90-е были началом возрождения России. С точки зрения других те же самые 90-е поставили Россию на грань распада. Первые считают 90-е разгулом олигархии, разворовывания страны, коррупции и т.д. Вторые (я в их числе), наоборот считают, что Ходорковский из убыточной, задолжавшей и бесперспективной компании сделал первую образцовую, не только доходную, но и

прозрачную компанию, в которую можно было пригласить западных аудиторов и т.д.

Я объясняю все это потому, что от того, как мы решим для себя смотреть на 90-е годы, в принципе и зависит авторитет Ходорковского, ведь он – герой 90-х. На сегодняшний день Ходорковский – человек с самым большим и самым безукоризненным авторитетом, приближающимся к авторитету Сахарова.

К.И.: Ого! А Вам не кажется, что это слишком уж идеализированный и не соответствующий действительности портрет Ходорковского?

А.Я.: Нет, не кажется. Ведь мы сейчас говорим не о том, есть ли у Ходорковского скелеты в шкафу или нет. У кого их нет? Важно восприятие авторитета Ходорковского большинством населения и элиты. Было бы очень разумно, если бы кто-нибудь со средствами заказал бы (например, Левада-центру) социологический опрос – для выяснения, герой ли Ходорковский в глазах большинства элиты и населения вообще, или вор. Нужно беспристрастное социологическое исследование – для того, чтобы ни у кого не осталось сомнений.

К.И.: Теперь понятно. Допустим, Ходорковский может стать во главе оппозиции. Чего ему для этого сегодня по-Вашему не хватает?

А.Я.: Не хватает программы. Смотрите: ситуация у страны – аховая. Каким-то образом

надо из этой ситуации выходить. И если Ходорковский станет лидером оппозиции, то ему необходима программа. Без программы нет и не может быть никакой оппозиции.

В ИНСОРе есть целая группа компетентных экспертов, которые разрабатывают программу модернизации, главным образом, экономической. То, чего, с моей точки зрения, им не хватает, это моей концепции России, как «испорченной» Европы. У нас есть уникальный исторический шанс, который мы либо сейчас используем, либо войдем в область невозврата, когда отставание страны станет необратимым. Я хотел бы поэтому создать «программу Ходорковского», воспользовавшись – с точки зрения экономики – исследованиями ИНСОРа, поскольку там собралась группа очень опытных экспертов. Лучше этих экспертов, возможно, в России сегодня просто нет. Но они – экономисты. В их программе не хватает исторического измерения. Эти эксперты ИНСОРа снова исходят из той же, уже дважды обанкротившейся формулы, что Россия – это «запоздалая» Европа. В своих колонках я планирую анализ разных аспектов экономической программы ИНСОРа и рассмотрение их в ключе моей теории о России, как «испорченной» Европе. Возможно, История дает нам последний шанс снять «порчу», господа.

Оглавление

От издателя 3

Началось это интервью... 5

Вопросы Александру Янову
(Интервью Андрею Колесникову
и Николаю Вардулю для «Новой газеты») 57

Нужна ли Ходорковскому история?
(Интервью Елене Егеревой для журнала Сноб) 68

Александр Янов:
«Среди моих почитателей нет историков» (Для
Института современной России
(<http://imrussia.org>/Диалоги с Александром Яновым)) 79

В 2011 году вышли:

Лабас Ю.А.

**ЭТОТ БЕЗУМНЫЙ, БЕЗУМНЫЙ МИР
ГЛАЗАМИ ЗООПСИХОЛОГА**

Данное издание продолжает публикацию научно-публицистических и биографических материалов из научного и литературного наследия известного зоолога Ю.А. Лабаса. В книгу, помимо незаконченной второй части воспоминаний «Авось, малость подержит...», вошел также ранее не публиковавшийся научно-публицистический труд «Этот безумный, безумный мир глазами зоопсихолога», в котором автор пытается ответить на вопрос, почему прогресс науки и техники оказался несовместимым с прекраснодушными мечтами о поступательном развитии человечества от первобытного варварства к высоким технологиям и гуманизму.

Издание сопровождают редкие фотографии из семейного архива ученого.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

В 2011 году вышли:

**НА ПЕРЕЛОМЕ:
Образ России прошлой и современной
в культуре, литературе Европы и Америки
(конец XX – начало XXI вв.)**

Коллективный труд «На переломе: образ России прошлой и современной в культурах, литературах Европы и Америки (конец XX – начало XXI вв.)», впервые в таком масштабе обращается к изучению имагологической рецепции и репрезентации России на новейшем «переломном» этапе перехода от советского – к пост-советскому обществу, с особенностями сложного пути к демократическому и открытому обществу. Образ современной России (в соотношении с прошлым) изучается на материале культуры, литературы таких стран, как Германия, Франция, Англия, США, Польша, Сербия, Канада, страны Латинской Америки.

В 2011 году вышли:

Морозова, Н.А.

МОЕ ПРИСТРАСТИЕ К ДИККЕНСУ

**Семейная хроника
XX век**

В воспоминаниях рассказывается о жизни интеллигентной семьи, которая испытала на себе все превратности сталинской эпохи. Сильные и жизнестойкие характеры героев книги постепенно приводят их не только к пониманию (частичному или полному) сути происходящих в стране событий, но и растущему сопротивлению, выражающемуся порой в неожиданных действиях. Все события увиденны глазами сначала девочки, затем подростка и, наконец, взрослой девушки.

Янов, Александр Львович

**ИСТОРИЯ ОДНОГО ОТРЕЧЕНИЯ:
почему в России не будет фашизма**

Издатель *Леонид Янович*

Ответственный за выпуск *Леонид Янович*

Редактор *Леонид Янович*

Корректор *Михаил Янович*

Верстка и оригинал-макет *Евгений Янович*

Обложка *Антонина Байдина*

Налоговая льгота -
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

НП Издательство «Новый хронограф»
Контактный телефон в Москве (495) 671-0095,
по вопросам реализации 8-905-739-0264
E-mail: nkhronograf@mail.ru
nh@novhron.info

Информация об издательстве в Интернете:
<http://www.novhron.info>

Подписано к печати 28.IX.2011
Формат 70x100/32. Бумага офсетная №1
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 3
Тираж 1000 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО «Чебоксарская типография № 1»
428019, г.Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15

**Издания
Нового Хронографа
можно приобрести в магазинах:**

в Москве:

- «Библио–Глобус» – ул. Мясницкая, 6, тел. (495) 924–46–80
Галерея книги «Нина» – ул. Бахрушина, 28, тел. (495) 959–20–94
«Гилея» – Тверской бульвар, 9 (помещение Московского музея современного искусства), тел. (495) 925–81–66
«Москва» – ул. Тверская, 8, тел. (495) 629–6483, (495) 797–87–17
«Московский Дом книги» – ул. Новый Арбат, 8, тел. (495) 789–35–91
«Молодая гвардия» – ул. Большая Полянка, тел. (495) 238–50–01
«У Кентавра» – РГУ, ул. Чайнова, д.15, тел. (495) 250–65–46
Книжный киоск изд-ва «РОССПЭН» (Институт российской истории) – ул. Ульянова, д.19, тел. (499) 126–94–18
«Книжная лавка обществоведа» (ИНИОН) – Нахимовский пр. 51/21, тел. (499) 120–30–81
Книжный киоск «Русская деревня» – Глинищевский пер., д. 6, тел. (495) 650–60–31
Книжный магазин «Циолковский» – Новая площадь, д. ¾, пд. 7Д, тел. (495) 628–64–42
«Книжная лавка историка» (РГАСПИ) – ул. Большая Дмитровка, д. 15, тел. (495) 694–50–07
«Фаланстер» – М.Гнездниковский пер., д. 12/27, тел. (495)629–88–21

в Санкт–Петербурге:

- «Академкнига» – Литейный пр., д. 57, тел. (812) 230–13–28
«Вита Нова» – Менделеевская линия, 5, тел. (812) 328–96–91
Киоск в Библиотеке Академии наук – ВО, Биржевая линия, 1
«Книжная лавка писателей» – Невский пр. 66, тел. (812) 314–47–59
Книжные салоны при Российской национальной библиотеке – Садовая ул., 20; Московский пр. 165, т. (812) 310–44–87
«Книжный окоп» – Тучков пер., д. 11/5 (вход в арке), т. (812) 323–85–84
«Книжный салон» – Университетская наб., 11 (в фойе филологического факультета СПбГУ), тел. (812) 328–95–11